ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

О БУДУЩЕМЪ КРЕСТЬЯНСКАГО СОСЛОВІЯ ВЪ РОССІИ

Н. П. Семенова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1896

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Января 1896 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Крестьянское землевладѣніе—устой государственной жизни. Выкупная операція. Особое положеніе государственныхъ крестьянъ. Два пути къ разрѣшенію вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи: путь Европейскій къ господству капитализма и пролетаріата, и нашъ историческій путь къ укрѣпленію за крестьянскимъ сословіемъ надѣльныхъ земель въ неотчуждаемомъ ихъ владѣніи. Законъ о правѣ полной собственности. Отвѣтъ на возраженія противъ неотчуждаемости крестьянскаго землевладѣнія.

Не стало Вождя русскаго народа Императора Александра III. Безмолвна Его недавно закрывшаяся могила; но имъ оставлены Россіи дорогіе завѣты.

Западной Европѣ, смущаемой нынѣ многими внутри ея государствъ опасностями, почившій Императоръ во все Его продолжавшееся болѣе тринадцати лѣтъ царствованіе строилъ миръ, внося въ наши внѣшнія отношенія стойкую прямоту и правду, разстроивавшія обычныя политическія козни и интриги, которыя и теперь еще признаются не только дозволительными, но какъ будто и необходимыми въ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Западная Европа и другія страны свѣта склонились предъ просіявшей истиной и почтили Великаго Человѣка, выражая явно и согласно скорбь свою, какъ только разнеслась вѣсть, что, по неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія, чистая душа Его переселилась въ вѣчную жизнь.

Такимъ-же свѣтомъ истины и правды былъ почившій Государь и во внутренней политикѣ нашего государства.

Еще при вступленіи его на престолъ, среди смуты, набѣжавшей на наше отечество и приведшей злодѣевъ къ чудовищному преступленію, раздалось Его твердое слово вести Россію по пути, указываемому ей «нашими историческими преданіями и самобытнымъ складомъ нашей народной жизни» [1]), по тому пути, на которомъ только и возможны развитіе народныхъ силъ, успѣхи нашего просвѣщенія и сохраненіе цѣлости и самобытности нашего государства.

На тотъ же путь сталъ и преемникъ Его—молодой Царь, новый Вождь Россіи, выразившій это въ словахъ своего манифеста 20 Октября 1894 года: «Мы же въ этотъ скорбный, но торжественный часъ вступленія Нашего на прародительскій престолъ вспоминаемъ завѣты усопшаго родителя Нашего, и, проникаясь ими, пріемлемъ священный обѣтъ предъ лицемъ Всевышняго имѣть единой цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастія всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ».

Укрѣпивъ въ международныхъ сношеніяхъ сознаніе наше, что Россія для русскихъ, въ Бозѣ почившій Государь устремилъ свое вниманіе на наши внутреннія дѣла. Народный бытъ у насъ былъ уже расшатанъ и даже устои государственнаго организма поколеблены иноземными вѣяніями и чуждыми нашей жизни порядками, вводившимися къ намъ безъ отдыха и срока, по западно-европейскому шаблону, вслѣдъ за освобожде-

---

[1]) См. Освобожд. крест. въ царств. Императора Александра II. Н. П. Семенова, томъ 1, стр. XI и маниф. 29 Апрѣля 1881 г. Правит. Вѣстн. за 1881 годъ, 30 Апрѣля, № 93.

ніемъ крестьянъ [1]). Поэтому мысли и желанія почившаго Государя направились къ укрѣпленію этихъ устоевъ и охраненію вѣками сложившагося русскаго народнаго быта.

Усвоивъ себѣ мысль, укоренившуюся въ народномъ понятіи, что крестьянинъ (земледѣлецъ) не можетъ быть безъ земли, также какъ и земля въ нашихъ селахъ и деревняхъ безъ крестьянъ не мыслима, почившій Императоръ въ Высочайше утвержденномъ 14 Декабря 1893 года мнѣніи Государственнаго Совѣта повелѣлъ признавать крестьянскія надѣльныя земли *неотчуждаемыми* и на будущее время изъ общиннаго владѣнія крестьянъ.

Это историческое у насъ землевладѣніе есть устой нашей государственной жизни—оно охранялось закономъ во все время крѣпостнаго ихъ состоянія, когда не только всѣ земли, но и сами крестьяне признавались собственностію помѣщиковъ. Съ самаго начала нашей исторіи, непрерывной нитью, проходило въ ней стремленіе правительства прикрѣпить крестьянъ къ землѣ.

Съ упраздненіемъ крѣпостнаго права эта нить порвалась. Прикрѣпленіе людей къ землѣ не совмѣстно съ личной свободой человѣка, поэтому для удержанія теперь прочной исторической связи крестьянъ съ землею средство одно: сдѣлать такъ, чтобы земля *была крѣпка* за крестьянскимъ сословіемъ.

Чтобы вполнѣ понять всю настоятельность, возможность и неизбѣжность такой постановки дѣла надо обратиться къ началу его—акту освобожденія крестьянъ, отмѣтить важнѣйшія перемѣны направленія въ ходѣ этого дѣла и на основаніи этихъ данныхъ, дать себѣ

---

[1]) См. Освобожд. крест. въ царств. Императора Александра II. Выводы и заключеніе Н. П. Семенова, изд. 1-е и 2-е, стр. 73.

ясный отчетъ, въ какомъ оно нынѣ находится фактическомъ положеніи.

Основная мысль трудившихся надъ проектомъ освобожденія крестьянъ была—сохранить за ними, такъ или иначе, навсегда, въ неотчуждаемомъ владѣніи, зѐмли, которыми они были надѣлены у бывшихъ помѣщиковъ, что и видно изъ Общаго и Мѣстныхъ положеній 19 Февраля 1861 года, оставившихъ эти зѐмли въ постоянномъ (безповоротномъ) пользованіи освобожденныхъ крестьянъ; дальнѣйшее же опредѣленіе ихъ земельнаго положенія предоставлялось тогда будущему, въ надеждѣ, что сама жизнь устроитъ прочнѣе и лучше всякихъ доктринъ крестьянское землевладѣніе, поэтому-то прежде всего были допущены положеніемъ 19 Февраля всевозможныя добровольныя, по обоюднымъ соглашеніямъ, сдѣлки на пріобрѣтеніе крестьянами, какъ вообще постороннихъ, такъ и надѣльныхъ ихъ земель въ собственность. Правда, что положеніе указывало на пріобрѣтеніе послѣднихъ какъ бы на единственный для крестьянъ общій выходъ изъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику; но это отъ того только, что другого исхода тогда и не представлялось, такъ какъ надѣльныя зѐмли должны были прежде всего быть выкуплены изъ частной собственности помѣщиковъ.

Недостаточность средствъ вообще у огромнаго большинства крестьянъ къ такой покупкѣ побудила правительство, вслѣдъ за освобожденіемъ ихъ, придти къ нимъ на помощь въ дѣлѣ выкупа, не отнимая у него въ то время добровольнаго, необязательнаго его характера. Изъ этого нельзя никакъ однако заключить, что правительство имѣло первоначально виды обратить, во что бы то ни стало, освобожденныхъ крестьянъ въ собственниковъ ихъ надѣльныхъ земель.

Самая организація выкупа представляла собой ни что

иное, какъ *кредитную операцію*, со сдѣланнымъ для нея собственно внутреннимъ государственнымъ займомъ [1]), со своими источниками погашенія, со своимъ отдѣльнымъ отъ государственнаго казначейства счетомъ прибылей и убытковъ и со своею администраціей [2]).

Уплата крестьянами даруемой имъ ссуды была разсрочена на 49 лѣтъ, и порядокъ распредѣленія ежегодныхъ взносовъ, установленный 143-ею статьею Пол. о Вык., такой: «Изъ поступающихъ отъ крестьянъ выкупныхъ платежей отчисляется прежде всего то, что слѣдуетъ на уплату процентовъ по билетамъ и свидѣтельствамъ на погашеніе билетовъ и на уплату банковаго долга. Затѣмъ все остальное обращается въ *запасный капиталъ* выкупной операціи, предназначаемый для покрытія издержекъ по управленію оною, а также особыхъ расходовъ и потерь».

Очевидно, что удача такой операціи, главнѣйшимъ образомъ, должна была зависѣть отъ платежныхъ силъ крестьянъ и отъ своевременнаго и аккуратнаго взноса этихъ платежей въ казну. И то и другое не могло быть достаточно взвѣшено и соображено при составленіи собственно Положеній 19 Февраля. Положенія о выкупѣ разработывались въ особыхъ финансовыхъ коммисіяхъ.

Платежи оказались непосильными для крестьянъ, даже и при той помощи, которую оказывало имъ правительство, и поэтому въ самомъ началѣ операціи недоимки не

---

[1]) Заемъ былъ совершенъ посредствомъ выпуска пяти съ половиной процентной ренты и пяти процентныхъ выкупныхъ свидѣтельствъ и билетовъ внутренняго государственнаго займа, которые выдавались бывшимъ помѣщикамъ, въ уплату за отходившія отъ нихъ къ крестьянамъ надѣльныя зѣмли.

[2]) См. статью: «Выкупные платежи и крестьянское землевладѣніе», подписанную буквою N, заслуживающую особаго вниманія, какъ по приведеннымъ въ ней даннымъ, такъ и по сдѣланнымъ въ ней выводамъ. Моск. Вѣдом. 20 Февраля 1895 года, № 50.

заставили себя долго ждать, и, постепенно увеличиваясь, приняли хроническій характеръ. Онѣ сдѣлались настолько значительными, что правительство, желая вывести крестьянъ изъ временно-обязанныхъ отношеній ихъ къ помѣщикамъ, и, убѣдившись тогда же въ томъ, что тягота крестьянскихъ платежей имъ не подъ силу, съ Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 28 Декабря 1881 года, обратило *добровольный* прежде выкупъ въ *обязательный* съ 1 Января 1883 года и понизило вмѣстѣ съ тѣмъ выкупные платежи крестьянъ на 12 милліоновъ рублей въ годъ. Но это не помогло, и продолжавшееся затѣмъ неаккуратное поступленіе взносовъ съ одной стороны и пониженіе этихъ платежей съ другой нарушили равновѣсіе между этими платежами и производимыми правительствомъ уплатами по его обязательствамъ относительно сдѣланнаго имъ государственнаго займа.

Вслѣдствіе этого, а также все накопляющихся недоимокъ по ежегоднымъ взносамъ крестьянъ, послѣдовало Высочайше утвержденное 15 Января 1885 года мнѣніе государственнаго совѣта о сліяніи суммъ выкупной операціи со средствами общаго государственнаго бюджета [1]).

[1]) Цифры этихъ недоимокъ съ 1885 по 1893 годъ включительно, за девять только лѣтъ, показанныя авторомъ статьи, приведенной выше въ выноскѣ: «Выкупные платежи и крестьянское землевладѣніе», представляютъ слѣдующее отношеніе:

ГОДЫ.	Причиталось къ поступленію.	Осталось въ недоимкѣ къ 1 Января слѣдующаго года.
1885	40.890.156	16.202.622
1886	40.917.917	18.619.982
1887	40.860.926	16.106.891
1888	40.924.779	12.944.079
1889	41.424.829	13.019.313
1890	41.418.016	14.541.515

Такимъ образомъ, съ упраздненіемъ кредитной операціи, предпріятіе выкупа крестьянами ихъ надѣльныхъ земель въ собственность рухнуло, и *выкупные платежи*, сліяніемъ ихъ съ общебюджетными средствами, обратились въ обыкновенные *окладные* государственные сборы.

Въ связи съ этимъ состоятъ послѣдовавшія затѣмъ, съ цѣлью уменьшенія государственнаго долга по выкупной операціи: конверсія пяти съ половиной процентной ренты, въ четырехъ процентныя облигаціи 2 внутренняго займа 1891 года и распоряженіе о прекращеніи выпуска 5% банковыхъ билетовъ для потребностей выкупной операціи, и о производствѣ остальныхъ неоконченныхъ расчетовъ съ помѣщиками по выкупнымъ ссудамъ наличными деньгами.

Это послѣднее объясняется тѣмъ, что съ 1862 по 1893 годъ по числу выкупныхъ сдѣлокъ уже выдано 86.524 выкупныхъ ссудъ, на сумму 889.730.562 рубля, а общая сумма предстоящихъ еще къ выдачѣ ссудъ, по приблизительному исчисленію Министерства Финансовъ, едва-ли превыситъ всего 19 милліоновъ рублей, поэтому выкупъ у помѣщиковъ отошедшихъ отъ нихъ крестьскихъ надѣльныхъ земель можно считать почти законченнымъ [1]).

Нельзя тутъ не видѣть, что крестьяне къ пріобрѣтенію этихъ земель въ ихъ частную собственность оказались вполнѣ несостоятельными, и что слѣдовательно

ГОДЫ.	Причиталось къ поступленію.	Осталось въ недоимкѣ къ 1 Января слѣдующаго года.
1891	41.279.160	22.268.849
1892	41.186.238	28.015.896
1893	41.223.428	28.758.478

1) Эти цифры взяты нами изъ приведенной выше въ выноскѣ статьи: «Выкупные платежи и крестьянское землевладѣніе». Моск. Вѣдом. 20 Февраля 1895 года, № 50.

право собственности на выкупленныя уже правительствомъ у бывшихъ помѣщиковъ зѐмли осталось за государствомъ.

Смущаться этимъ нѣтъ конечно основанія, потому что для крестьянъ это выигрышъ, а не проигрышъ: вѣдь надѣльныхъ земель, которыхъ они не выкупили, у нихъ никто не отнимаетъ, напротивъ, по смыслу указа 14 Декабря 1893 года, онѣ должны оставаться у нихъ въ неотчуждаемомъ владѣніи.

Право собственности крестьянъ на надѣльныя ихъ зѐмли было бы крайне непрочнымъ ужь потому, что этому праву присущъ порядокъ наслѣдованія.

Исключая маіората (или минората)—формы не подходящей къ историческому складу нашего быта, законъ наслѣдованія допускаетъ у насъ раздѣлы всякаго имущества [1]). Поэтому, при переходахъ послѣдняго къ наслѣдникамъ, земельные участки, какъ бы малы они ни были, должны дѣлиться, и, если, отъ дробленія, участокъ лишается своей цѣнности, то, для раздѣла его между наслѣдниками, выходъ остается одинъ: отчужденіе его

---

[1]) Что учрежденіе маіората чуждо нашему народному духу и противно нашему гражданскому праву, свидѣтельствомъ тому служитъ то, что оно было заимствовано Императоромъ Петромъ Великимъ изъ другихъ европейскихъ законодательствъ, и введено у насъ указомъ его въ 1716 году. Оно къ намъ не привилось и было отмѣнено Императрицей Анной Іоанновной въ 1731 году. Число такихъ исключительно дворянскихъ имѣній, называемыхъ у насъ заповѣдными, съ другимъ нѣсколько характеромъ, чѣмъ настоящія маіоратныя имѣнія, служившія имъ образцомъ, осталось у насъ и понынѣ столь ничтожнымъ, что можетъ вовсе не считаться въ общемъ количествѣ всѣхъ имѣній въ Россіи. Въ нашемъ Сводѣ Законовъ учрежденіе маіоратовъ (заповѣдныхъ имѣній) поставлено какъ бы особнякомъ, и характеръ его случайный, потому что для обращенія имѣнія въ заповѣдное, при наличности нѣкоторыхъ закономъ опредѣленныхъ условій, необходимо каждый разъ испрошеніе на то особаго соизволенія верховной власти. Ст. 467, X т., 1 ч. Зак. Гражд., изд. 1887 года.

во всякія посторонпія, хотя бы и не крестьянскія руки, кто бы ни предложилъ за него высшей суммы денегъ; слѣдовательно крестьянъ-собственниковъ нельзя лишать права продажи ихъ земель, разъ, что онѣ перешли къ нимъ въ личную собственность, хотя онѣ и были бы у нихъ прежде надѣльными, ни ограничивать ихъ права собственности дозволеніемъ крестьянину продавать свою землю указаннымъ только лицамъ, потому что такое ограниченіе есть всегда обезцѣненіе имущества собственника.

При такомъ непреодолимомъ затрудненіи для мелкаго собственника удержать въ своихъ рукахъ потомственно небольшой земельный участокъ—естественно и необходимо правительству предпочесть *неотчуждаемое общинное крестьянское владѣніе* надѣльными государственными землями—обращенію ихъ въ *частную и личную собственность* крестьянъ. Это единственный вѣрный способъ устранить изъясненное затрудненіе, потому что при землевладѣніи, хотя бы и неотчуждаемомъ, нѣтъ собственно права наслѣдованія, а только простой переходъ владѣнія отъ одного домохозяина къ другому, который можетъ совершаться или по мирскому приговору, или потомственно въ семьѣ, на основаніяхъ, установленныхъ мѣстнымъ обычаемъ, или даже въ порядкѣ, который могъ бы быть утвержденъ для того и общимъ закономъ.

Какъ каждый отдѣльный домохозяинъ, такъ и все общество, въ цѣломъ его составѣ, должны, конечно, пользоваться свободой отказа отъ своего землевладѣнія.

Въ первомъ случаѣ, т. е. когда весь дворъ, въ лицѣ своего домохозяина, отказывается отъ своего надѣльнаго участка, земля должна передаваться въ распоряженіе общества; а во второмъ случаѣ, за отказомъ отъ владѣнія надѣльною землею цѣлаго общества, вся поки-

нутая земля должна поступать, какъ государственная, въ распоряженіе верховной власти. Что-жъ касается построекъ на надѣльныхъ земляхъ и движимаго имущества, какъ напримѣръ рабочаго инвентаря и прочаго, то само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ крестьянинъ распоряжается, какъ своею собственностію.

Что это совершенно согласуется съ понятіями самихъ крестьянъ, о правахъ ихъ на свои надѣльныя земли, въ томъ легко убѣдиться изъ наблюденій надъ тѣмъ, какъ относились сами крестьяне къ покидаемымъ ими земельнымъ участкамъ во время усиленнаго ихъ переселенческаго движенія въ послѣдніе неурожайные годы (1891—1892).

Въ Рязанской губерніи, сравнительно густонаселенной, во многихъ деревняхъ Данковскаго и Раненбургскаго уѣздовъ выселялось въ то время отъ 10 до 30% всѣхъ дворовъ. Уходящіе домохозяева распродавали все, что признавали своимъ имуществомъ, для того, чтобы собрать возможно болѣе денегъ, необходимыхъ для переселенца. Они продавали всю свою движимость, скотъ, рабочій инвентарь, и не только удобопереносимыя, деревянныя, но и вовсе непереносимыя каменныя строенія и глиняныя мазанки, которыхъ покупателями являлись, разумѣется, ихъ сосѣди-односельцы, изъ коихъ многіе, чтобы сдѣлать пріобрѣтеніе каменной избы для себя посильнымъ, продавали на сносъ свои прежнія деревянныя избы или и другія свои свободныя строенія. Но при этомъ ни о какой продажѣ, или даже уступкѣ, за вознагражденіе, оставляемыхъ переселенцами обществу земельныхъ участковъ, не заходило и рѣчи. Ни переселяющимся, ни остающимся на мѣстѣ и нынѣ не входитъ въ голову, что домохозяева, вносившіе уже болѣе 30 лѣтъ выкупные платежи и погасившіе значительную долю выкупной ссуды, могутъ распоряжаться своими

надѣльными земельными участками, какъ собственностью. Въ ихъ глазахъ эта земля есть государственная, находящаяся въ неотчуждаемомъ владѣніи сельскаго общества, а не личная собственность домохозяина или частная—цѣлаго двора [1]).

О пагубныхъ послѣдствіяхъ обращенія крестьянъ-земледѣльцевъ въ личныхъ собственниковъ ихъ надѣльныхъ земель и неминуемаго отъ того обезземеленія

---

[1]) Кстати привести здѣсь нѣкоторыя разсужденія и заключенія автора статьи «Выкупные платежи и крестьянское землевладѣніе», на которую я ссылался выше; они основаны на изложенныхъ мною народныхъ понятіяхъ и отличаются вѣрностью и здравымъ смысломъ. Поэтому я привожу изъ нихъ выдержки подлинникомъ: «Грозная перспектива, непосредственная близкая опасность обезземеленія цѣлыхъ тысячъ крестьянскихъ семействъ, оказалась сильнѣе всякихъ теорій, и послѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта (14 Декабря 1893 года): «О нѣкоторыхъ мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель»... Не ясно ли, что сама жизнь исправляетъ ошибки прошлаго и наталкиваетъ насъ на единственно разумный *историческій путь* къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса,—путь съ котораго намъ и не слѣдовало никогда сходить? Вѣдь правительству стóитъ сдѣлать еще шагъ по пути, на который сами обстоятельства заставили его вступить—*стóитъ только уничтожить срочность выкупныхъ платежей* и окончательно обратить ихъ въ обыкновенный поземельный налогъ, который по самому существу своему предполагается безсрочнымъ, признать, что земля выкупленная у помѣщиковъ, и за которую заплатила казна, ей же, т. е. казнѣ или государству и принадлежитъ, а вовсе не крестьянамъ, которыхъ та же казна надѣлила землей, необходимою для ихъ существованія и исполненія лежащихъ на нихъ обязанностей... Народъ нашъ до сихъ поръ вѣритъ, что земля «царская»; въ этомъ случаѣ всякій русскій человѣкъ, не отдѣляя личность Государя отъ понятія о государствѣ, смотритъ на выкупные платежи какъ на налогъ, только самый тяжелый изо всѣхъ, и ждетъ не дождется, когда начальство *освободитъ* его отъ этой непосильной тяготы... Признать выкупную или не выкупную крестьянскую землю—землей государства, а выкупные платежи обратить въ оброчную за эту землю подать, понизивъ ихъ притомъ на половину, если нужно хоть на $^{3}/_{4}$—вотъ мѣра простая, справедливая, и которая, мы въ томъ увѣрены, будетъ съ восторгомъ принята самими крестьянами». Моск. Вѣдом. 20 Февраля 1895 года, № 50.

крестьянскаго сословія и распаденія общиннаго землевладѣнія я уже и прежде довольно высказался въ моемъ особомъ трудѣ.

Здѣсь это было бы лишь повтореніемъ мною изложеннаго; но все-таки въ виду важности крестьянскаго дѣла, возбуждающаго и теперь горячіе иногда споры, я считаю не лишнимъ указать здѣсь на мой трудъ [1]).

Положеніе о выкупѣ относилось какъ къ удѣльнымъ, такъ еще и къ нѣкоторымъ крестьянамъ другихъ наименованій.

Но иное совершенно представляетъ отчужденіе въ собственность государственныхъ крестьянъ ихъ надѣльныхъ земель, потому что предпринятая правительствомъ выкупная кредитная операція до нихъ вовсе не касалась.

Ни въ положеніяхъ 19 Февраля 1861 года, ни въ послѣдующихъ узаконеніяхъ до 1886 года никакого выкупа государственныхъ земель не предполагалось, и только 12 Іюня этого года, вслѣдствіе представленія Министерства Государственныхъ Имуществъ, по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ, Государственный Совѣтъ, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ, положилъ:

«Взимаемые съ государственныхъ крестьянъ и другихъ сельскихъ сословій государственная оброчная подать и замѣняющіе ее сборы, а также лѣсной налогъ *преобразовываются* съ 1 Января 1887 года *въ выкупные платежи*» и «суммы выкупныхъ платежей устанавляются въ законодательномъ порядкѣ для каждой губерніи, въ неизмѣнномъ размѣрѣ, на весь срокъ выкупа.

---

[1]) Освобожденіе крест. въ царств. Императора Александра II «Выводы и заключеніе» Н. П. Семенова. Изд. первое 1893 года и второе 1894 г., стр. 51—61.

Взиманіе ихъ *прекращается окончательно* съ 1 Января 1931 года» [1]).

Тутъ бросается въ глаза совпаденіе двухъ противоположныхъ распоряженій на разстояніи одного только года. Именно въ 1885 году превращеніе *выкупныхъ платежей* крестьянъ, бывшихъ крѣпостными, въ *обыкновенные окладные сборы*, а въ слѣдующемъ 1886 году противоположное тому преобразованіе государственной оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ въ *выкупные платежи*, т. е. въ сущности прекращеніе пріобрѣтенія бывшими крѣпостными крестьянами ихъ надѣльныхъ земель въ ихъ частную собственность, и напротивъ того какъ бы предоставленіе государственнымъ крестьянамъ съ 1931 года войти въ права собственности на ихъ надѣльныя государственныя земли.

По приведенному нами закону, о преобразованіи оброчной подати государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи, эти платежи не должны превышать въ уѣздахъ, гдѣ уже выданы владѣнныя записи, прежнихъ окладовъ оброчной подати и лѣснаго налога, увеличенныхъ на двѣ трети суммы, взимавшихся до 12 Іюня 1886 года окладовъ оброчной и подушной подати и наконецъ суммы выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ ближайшихъ селеній, находящихся въ одинаковыхъ поземельныхъ условіяхъ. Досрочный выкупъ въ собственность разрѣшается при взносѣ капитала, соотвѣтствующаго установленнымъ этими правилами выкупнымъ платежамъ и получаемаго помноженіемъ суммы выкупнаго платежа на 20.

Изъ всего этого ясно, что выкупной операціи, съ выдачею ссудъ, взносами погашенія капитала, точной

---

[1]) Зак. Сост. Особ. прилож. VII Пол. гос. крест., ст. 3 (прим.) прилож. по прод. 1890 года.

оцѣнкой выкупаемой земли и другими требованіями этой кредитной операціи относительно надѣльныхъ земель государственныхъ крестьянъ не выполнено и одно переименованіе государственной оброчной подати въ выкупные платежи нельзя признавать выкупомъ.

Это преобразованіе было вызвано необходимостью скорѣй найти источникъ для пополненія громадной убыли въ государственномъ бюджетѣ по случаю отмѣны въ то время подушной подати. Тогда и было признано возможнымъ увеличить взимавшіеся съ государственныхъ крестьянъ, налоги, потому что эти крестьяне находились всегда въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ прочіе крестьяне, такою надбавкою, которая однако, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не должна никакъ превышать размѣра бывшей государственной подушной подати. Все это преобразованіе есть ни что иное какъ взиманіе съ государственныхъ крестьянъ той же, отмѣненной теперь, подушной подати, только подъ другимъ наименованіемъ и отдача казенныхъ земель въ полную собственность государственныхъ крестьянъ за платежъ этой подати въ продолженіе еще 44 лѣтъ (съ 1887—1931 г.).

Этой отдачей правительство подготовляетъ себѣ къ роковому 1931 году крупный финансовый кризисъ: государство въ своемъ бюджетѣ потеряло бы разомъ въ одинъ день болѣе 40 милліоновъ рублей дохода съ своихъ земель отведенныхъ въ собственность государственныхъ крестьянъ и лишилось бы навсегда права распоряженія сотнями милліоновъ десятинъ земли, внезапно сдѣлавшейся изъ государственной—частною собственностью.

Мы рѣшительно недоумѣваемъ, какая можетъ быть придумана разумная причина такой государственной расточительности? Вмѣсто вѣрнаго обезпеченія, по вла-

дѣннымъ записямъ, тѣхъ многихъ милліоновъ государственныхъ крестьянъ, которыхъ на вѣчныя времена можетъ прокормить ихъ надѣльная земля, нужно ли выбросить громадную площадь этихъ земель на рынокъ для купли и продажи, и отдать ее подъ владычество капитала для обезземеленія многомилліоннаго населенія, существующаго исключительно земледѣльческимъ трудомъ, какъ это недавно случилось въ англійской Индіи.

Урокомъ для насъ въ этомъ отношеніи долженъ служить примѣръ западной континентальной Европы. Тамъ въ историческомъ ходѣ жизни государствъ личное право, а съ нимъ и правà частной земельной собственности возведены какъ бы въ культъ, почему всѣ зѐмли государствъ и обратились въ частную собственность. Земля, измельченная этою собственностью въ ничтожные клочки была выброшена можно сказать на міровой рынокъ въ видѣ товара или размѣнной монеты и отдана такимъ образомъ въ полную власть капитала. Обездоленная масса населенія обратилась въ безземельныхъ бобылей и положила основаніе разъѣдающему государства западной Европы пролетаріату со всѣми его язвами, голодовками, стачками рабочихъ, соціализмомъ, анархизмомъ и всякими бѣдствіями. И нѣтъ тамъ никакой части населенія, обезпеченной землей. Тамъ навсегда утрачена возможность прибѣгнуть къ тому строю прочнаго землевладѣнія, отъ котораго чуть чуть не отклонили насъ иноземныя вѣянія и который составляетъ настоящее и будущее могущество Россіи. По этому превращеніе надѣльныхъ земель преобладающаго у насъ крестьянскаго сословія въ частную собственность становится для нашего отечества вопросомъ «быть или не быть?»

Жизнь государства зависитъ несомнѣнно и преимущественно отъ разумныхъ и попечительныхъ отноше-

ній его населенія къ землѣ, доставляющей человѣку прямо или косвенно все безъ исключенія потребное для его существованія, начиная съ насущной пищи и кончая всѣми утонченностями роскоши. Прочность этихъ отношеній есть первѣйшее условіе и признакъ долговѣчности государствъ. Крестьяне же — настоящая рабочая сила государства, и объ нихъ прежде всего и первою должна быть забота, чтобы земля изъ рукъ крестьянскаго сословія не выходила. При этомъ только условіи можетъ быть удержано и сохранено то особое покровительство, которое до нынѣ было всегда ему оказываемо правительствомъ въ годины народныхъ бѣдствій всякою помощью, не простираемой на другія сословія. На такую помощь земельный собственникъ, свободный распоряжаться неограниченно своимъ земельнымъ имуществомъ, *притязанія имѣть не можетъ*, хотя бы онъ былъ и изъ крестьянъ.

Если бы верховная государственная власть, представляющая въ ходѣ историческаго развитія Россіи одно цѣлое и нераздѣльное съ народной жизнью, утратила совершенно, какъ о томъ говорено было выше, право и возможность распоряжаться государственными землями, обратившимися въ частную собственность, то регуляторомъ отношеній народонаселенія къ землѣ, на мѣсто государственной власти, сталъ бы несомнѣнно и исключительно *капиталъ*, какъ мы видимъ это въ западной Европѣ.

Желательно ли однако его господство надъ производительностью нашей почвы и дарами нашей земли съ порабощеніемъ имъ настоящихъ рабочихъ силъ государства?

По мѣткому выраженію одного изъ современныхъ намъ государственныхъ дѣятелей, капиталъ, когда онъ слуга, приноситъ много пользы; когда же онъ дѣлается господиномъ, то производитъ много вреда.

Чѣмъ болѣе разростается частный капиталъ въ государствѣ, тѣмъ болѣе онъ гнететъ рабочія силы. Его девизъ — эксплоатація, безусловно вредная, когда обращается къ извлеченію изъ земли ея природныхъ богатствъ. Изъ нея безпощадно вытягивается, и въ короткое время, все то, что только можетъ быть добыто въ данномъ мѣстѣ. Эксплоататоръ не заботится о возвращеніи землѣ того, что необходимо для возстановленія ея производительныхъ силъ, какъ этого требуетъ сама природа. Капиталъ стремится вездѣ захватить все то, что забрать можетъ. Скопленіе большихъ капиталовъ въ рукахъ цѣлыхъ товариществъ даетъ возможность образованію какъ бы государствъ въ государствѣ, а за чрезмѣрнымъ скопленіемъ капиталовъ идетъ и скопленіе большихъ земельныхъ пространствъ въ однѣхъ рукахъ. Распредѣленіе земель государственной территоріи становится тогда уже просто дѣломъ случайности.

Мелкая земельная собственность, подъ господствомъ капитала, поглотилась бы несомнѣнно болѣе крупной, и крестьянское населеніе, безсильное въ борьбѣ съ нимъ, утратило бы въ непродолжительномъ времени свои зѐмли и обратилось бы въ батраковъ и бездомныхъ бобылей, а наконецъ, при полномъ господствѣ капитализма, и въ настоящихъ пролетаріевъ. При такомъ оборотѣ дѣла и распаденіи собственно крестьянскаго сословія, утрата всегдашняго попечительнаго отношенія правительства къ крестьянамъ лишила бы ихъ обезпеченнаго осѣдлаго положенія, котораго частная общественная благотворительность замѣнить не можетъ.

Гнетъ капитала невыносимъ для свободнаго духа человѣка. Въ сравненіи съ этимъ гнетомъ бывшая у насъ крѣпостная зависимость крестьянъ представляется леккою, и если правительство думало бы когда нибудь

серьезно вести Россію по пути, въ концѣ котораго стоитъ обнищаніе народныхъ массъ, то стоило ли бы поднимать столько хлопотъ для освобожденія крестьянъ, чтобы промѣнять путавшую ихъ веревку на желѣзныя цѣпи, надѣваемыя на настоящія рабочія руки эгоизмомъ и бездушіемъ собирателей капитала?

Для насъ долженъ быть поучителенъ опытъ развитія капитализма, со всѣми уже видимыми его послѣдствіями, въ государствахъ западной Европы и за океаномъ. Онъ у всѣхъ передъ глазами. Во внѣшнихъ нашихъ сношеніяхъ съ чужими странами капитализмъ успѣлъ уже захватить въ свою паутину и наши государственныя финансовыя отправленія, и если вообще желательно устранить господство капитализма надъ строемъ человѣческихъ обществъ, то мы едвали нашли бы болѣе простой и естественный противовѣсъ ему, чѣмъ наше историческое общинное и неотчуждаемое крестьянское владѣніе или пользованіе государственными землями.

Сдѣланный нами бѣглый обзоръ важнѣйшихъ мѣръ правительства, принятыхъ для устроенія отношеній крестьянскаго населенія къ землѣ послѣ освобожденія крестьянъ 19 Февраля 1861 года, показываетъ, что предъ нами лежали два пути: одинъ—нашъ историческій неотчуждаемаго крестьянскаго землевладѣнія, а другой—западно-европейскій путь капитализма, который ведетъ къ обращенію всѣхъ земель государства въ частную собственность.

Въ сознаніи, что этотъ послѣдній путь привелъ бы Россію къ тѣмъ пагубнымъ послѣдствіямъ, къ какимъ пришла и западная Европа и, проникая прямымъ и всегда вѣрнымъ взглядомъ въ нужды народныя, почившій Императоръ Александръ Александровичъ, указомъ 14 Декабря 1893 года, положилъ начало неотчуж-

даемости изъ владѣнія крестьянъ ихъ надѣльныхъ земель. Эта Его послѣдняя мысль по существу крестьянскаго дѣла остается для насъ священнымъ Его завѣтомъ.

Такимъ образомъ основной вопросъ рѣшенъ и путь намъ указанъ. Мы должны понять, что этимъ основнымъ положеніемъ всѣ прежніе, не согласные съ нимъ, виды и мѣры правительства должны быть отмѣнены, а всѣ будущія мѣропріятія съ нимъ согласовываемы и направляемы къ постановленной намъ цѣли, къ тому, чтобы предупредить обезземеленіе крестьянъ. Мы должны себѣ усвоить, что неотчуждаемое крестьянское владѣніе надѣльными землями и обращеніе крестьянъ въ собственниковъ этихъ земель понятія несовмѣстныя. Стóитъ только обратиться къ нашему законодательству (ст. 420, 423 и 432, X т., 1 ч. зак. гражд., изд. 1887 года). Оно отличаетъ въ правѣ полной собственности: владѣніе, пользованіе и распоряженіе имуществомъ.

По договорамъ, законно совершеннымъ, одно изъ нихъ, всегда временно, можетъ быть отдѣляемо отъ остальныхъ или и всѣ могутъ быть раздѣляемы; но право *распоряженія*, при всѣхъ закономъ допускаемыхъ срочныхъ ограниченіяхъ права полной собственности, оставляется за собственникомъ, такъ какъ собственность, безъ права распоряженія ею, перестаетъ быть собственностью, и изъ этихъ положеній нѣтъ въ законѣ никакого изъятія.

Сюда не могутъ разумѣется относиться предусмотрѣнные закономъ особые, неизбѣжные случаи охраны имущества, въ которыхъ, по неправоспособности собственника, оно берется въ опеку правительства вмѣстѣ съ его личностью. Неправоспособными признаются по закону: малолѣтніе, сумасшедшіе и безумные, къ которымъ, не безъ основанія, отнесены и расточители, не разбирающіе въ сущности, чтò такое право собственности.

Поэтому запрещеніе крестьянамъ продавать тѣ надѣльныя зѐмли, которыя они пріобрѣли бы выкупомъ въ полную собственность, равнялось бы признанію всего ихъ сословія неправоспособнымъ въ то время, какъ, манифестомъ 19 Февраля 1861 года, Верховная власть признала все сословіе крестьянъ законоправнымъ, наравнѣ со всѣми другими сословіями государства.

Не ясно ли, что неотчуждаемостью крестьянскаго землевладѣнія устраняются прежніе виды правительства сдѣлать крестьянъ собственниками ихъ надѣльныхъ земель?

Положеніемъ 19 Февраля 1861 года было признано и узаконено существованіе общиннаго крестьянскаго землевладѣнія съ его круговой порукой; и тогда уже съ самаго начала выкупъ крестьянами ихъ надѣльныхъ земель въ собственность стоялъ въ полномъ противорѣчіи съ этимъ положеніемъ и видимо вносилъ семейный разладъ и начало разложенія въ бытовое построеніе крестьянскихъ общинъ, и тогда же поборники частной земельной собственности, не сочувствовавшіе тому, чтобы надѣльныя зѐмли крестьянъ оставались въ собственности государства, не скрывали своихъ симпатій къ разрушенію крестьянской сельской общины. Поэтому не пора ли приступить къ устраненію указаннаго противорѣчія въ положеніяхъ о крестьянахъ и внести, законнымъ порядкомъ, опредѣленность и ясность въ отношенія ихъ къ землѣ?

Противорѣчія въ законодательствѣ и неясность въ изложеніи статей закона вносятъ смуту въ умы населенія и приводятъ въ хаосъ дѣятельность мѣстныхъ правителей, а простой человѣкъ совсѣмъ теряется и перестаетъ понимать что̀ отъ него требуютъ.

Возраженія настаивающихъ на томъ, что правительствомъ дано будто бы обѣщаніе крестьянамъ обратить

ихъ въ собственниковъ ихъ надѣльныхъ земель не стоили бы и опроверженія, если бы не повторялись часто. На это, во всякомъ случаѣ, отвѣтъ короткій: правительство не даетъ обѣщаній—ему принадлежитъ дѣйствіе.

Если считать виды его и мѣры имъ принимаемыя за обѣщанія, то, ставъ на эту точку зрѣнія, надлежало бы признать, что никакого своего разъ сдѣланнаго постановленія или распоряженія правительство отмѣнить уже не можетъ. При такомъ взглядѣ его на свои обязанности оно бы перестало быть правительствомъ, и ему оставалось бы одно—сложить съ себя бремя управленія, сдѣлавшагося для него невозможнымъ.

Такой софизмъ приводитъ къ заключенію, что при всякой недостаточно обдуманной мѣрѣ и неудачномъ распоряженіи, страдающимъ отъ нихъ, оставалось бы только горевать и сокрушаться, что нѣтъ выхода изъ тяжкаго положенія, въ которое они поставлены. Между тѣмъ мы знаемъ, что и законы — начертаніе единой у насъ Верховной власти—измѣняются съ теченіемъ времени, или и вовсе отмѣняются, по требованію обстоятельствъ.

Государственному уму представляются всегда ясно грани, отдѣляющія государственный интересъ отъ частнаго, общественнаго и личнаго. Понятія о долгѣ и чести, относительно обязательности исполненія данныхъ обѣщаній, приложимы къ тѣмъ лишь дѣйствіямъ правительства, когда оно входитъ въ условія или сдѣлки съ частнымъ лицомъ, или и товариществомъ изъ нѣсколькихъ лицъ, и принимаетъ на себя, по договору съ ними, какія либо обязательства, а не къ тѣмъ дѣйствіямъ, отъ которыхъ зависитъ цѣлость и крѣпость государства и народное благосостояніе.

Опасенія, высказываемыя нѣкоторыми, что измѣненія

прежнихъ предположенiй правительства о предоставленiи крестьянамъ въ собственность ихъ надѣльныхъ земель, могутъ быть приняты ими съ неудовольствiемъ и произвести волненiя, что крестьяне не поймутъ значенiя такихъ перемѣнъ и т. п., совершенно неосновательны.

Вѣдь дѣло идетъ не объ отобранiи отъ нихъ этихъ земель, а напротивъ объ укрѣпленiи за крестьянскимъ сословiемъ владѣнiя ими.

Знающимъ и понимающимъ нашъ народъ извѣстно, насколько онъ одаренъ простымъ здравымъ смысломъ. Если, при освобожденiи крестьянъ, представленiя ихъ о томъ, какiя выгоды принесетъ имъ ихъ новое положенiе и что̀ извлекутъ они для себя изъ пра̀ва собственности на зѐмли, ихъ всегда кормившiя, были у нихъ также смутны, какъ остаются еще и теперь, то понятiе ихъ объ историческомъ бытовомъ ихъ отношенiи къ землѣ, что она Божья, а составляющая русскую область—Государева, т. е. принадлежитъ государству и милостью Царя у нихъ не отъемлема, очень тверды, и въ дѣлахъ ихъ вѣковаго устройства и домашняго ихъ быта, имъ вполнѣ извѣстныхъ, они лучше и скорѣе разберутся между собою, чѣмъ составители проектовъ и регламентацiй новаго, совсѣмъ незнакомаго крестьянамъ сельскаго устройства, совершенно извращающаго ихъ вѣковой бытовой порядокъ.

У насъ еще въ памяти, что, при дарованiи многомиллiонному крестьянскому населенiю свободы, находились лица, которымъ представлялись бунты и волненiя при обнародованiи манифеста 19 Февраля 1861 года.

Позволительно было иностранцамъ и нашимъ заокеанскимъ сосѣдямъ въ Америкѣ, не имѣвшимъ тогда понятiя о бытѣ народа и строенiи нашего государства, приходить въ удивленiе отъ спокойствiя, съ которымъ

было принято въ нашемъ отечествѣ освобожденіе крестьянъ; но не намъ русскимъ выражать опасеніе въ томъ, что у русскаго народа не хватитъ смысла понять что̀ дѣлается въ его пользу и къ улучшенію его быта.

Толпа вездѣ бываетъ неразумна; но народъ, сплотившійся въ великое государство, неразумѣнъ быть не можетъ. Ему нужны, для его пониманія и достиженія успѣховъ въ его развитіи, опредѣленность и твердость пути его, ясность въ изложеніи постановленій правительства, послѣдовательность въ его мѣропріятіяхъ и устраненіе противорѣчій въ законодательствѣ.

Послѣ того что нами выяснено и въ виду поставленной Верховной властью цѣли предупредить *отчужденіе* крестьянскихъ надѣльныхъ земель, всѣ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ обращаются въ академическія пренія.

II.

Два важнѣйшихъ для крестьянскаго землевладѣнія событія. Законъ 14 Декабря 1893 года: «О нѣкоторыхъ мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель» и постройка Сибирскаго желѣзнаго пути. Устройство крестьянскаго переселенія. Оцѣнка закона 14 Декабря 1893 года. Досрочный выкупъ крестьянами ихъ надѣльныхъ земель, на основаніи 165 статьи Положенія о Выкупѣ.

Въ книжкѣ «О судьбахъ крестьянскаго сословія въ Россіи», служащей дополненіемъ къ моему труду объ освобожденіи крестьянъ, было уже говорено мною: о несостоятельности послѣднихъ къ выкупу ихъ надѣльныхъ земель; о необходимости поддержанія у насъ историческаго неотчуждаемаго крестьянскаго землевладѣнія, вмѣсто обращенія крестьянъ въ собственниковъ ихъ надѣльныхъ земель; объ установленіи предѣла дробимости крестьянскихъ тягловыхъ и подворныхъ или семейныхъ земельныхъ участковъ, опредѣленіемъ имъ нормы, сообразно положенію различныхъ мѣстностей; о тѣсной связи земельнаго положенія крестьянъ съ естественнымъ переростомъ территоріи государства его населеніемъ и объ упорядоченіи ихъ переселенческаго движенія, вызываемаго какъ этимъ переростомъ, такъ и государственною необходимостью оживленія бѣдныхъ населеніемъ земельныхъ пространствъ Россіи и неотложностью болѣе прочнаго укрѣпленія за ней нашихъ окраинъ, водвореніемъ на нихъ русскаго насе-

ленія; наконецъ о поддержаніи кореннаго устоя нашего крестьянскаго быта—Общины съ ея Миромъ, который долженъ быть возвращенъ къ прежнему вѣковому его порядку согласія рѣшеній на мирскихъ сходахъ [1]).

Послѣ того, что было мною высказано, совершились два крупныя событія:

1) Въ направленіи, вѣрность котораго я старался доказать, послѣдовало утвержденное 14 Декабря 1893 года почившимъ Государемъ Александромъ Александровичемъ мнѣніе Государственнаго Совѣта: «О нѣкоторыхъ мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель».

Послѣ освобожденія крестьянъ съ землей это узаконеніе можно считать первымъ шагомъ къ тому, чтобы сдѣлать надѣльныя ихъ земли крѣпкими за крестьянскимъ сословіемъ, т. е. неотчуждаемыми изъ его владѣнія. Помянутыя мѣры вызвали, пока лишь ожидаемый теперь пересмотръ, законодательнымъ порядкомъ, узаконеній, опредѣляющихъ права и обязанности крестьянскаго населенія и внутренній распорядокъ сельской жизни, какъ это выражено въ печатномъ циркулярѣ Министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 7 Іюня 1894 года, разосланномъ губернаторамъ, съ приложеніемъ вопросовъ, по коимъ требуются отъ нихъ отвѣты.

2) Другое важное событіе—это дѣятельное теперь сооруженіе великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, которому въ самой отдаленной отъ насъ окраинѣ Сибири, у Тихаго океана, рукою Наслѣдника Престола, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора заложено первое основаніе. Съ совершеніемъ этого

---

[1]) См. Освоб. крест. въ царств. Императора Александра II «Выводы и заключеніе» Н. П. Семенова. С.-Петербургъ, изд. 1893 и 1894 г., стр. 7—12, 25—28, 64, 66, 67 и 68, п. 3.

великаго дѣла, коимъ воздвигается достославный памятникъ двухъ царствованій, тѣсно связывается правильная постановка вѣрно и ясно понятыхъ и опредѣленныхъ отношеній крестьянъ къ землѣ.

По мѣрѣ открытія частей строющейся сибирской желѣзной дороги, потребность въ возможно быстромъ заселеніи земель, чрезъ которыя она имѣетъ проходить, будетъ все усиливаться, ибо цѣль проведенія такого длиннаго желѣзнаго пути по пустыннымъ пространствамъ Сибири и не могла быть иною, какъ ихъ заселеніе. Это великое предпріятіе можно конечно считать вызовомъ къ народному передвиженію изъ мѣстностей, гдѣ обнаруживается переростъ населенія, въ огромную, хотя какъ бы и заброшенную до нашего времени, но необходимую намъ часть Россіи, поэтому упорядоченіе этого движенія вообще становится у насъ теперь настоятельнымъ и неотложнымъ.

Такое передвиженіе беретъ всегда свое начало изъ метрополіи, которая для Сибири есть Европейская Россія. Переселенческій матеріалъ безъ сомнѣнія прежде всего долженъ добываться изъ коренной Россіи, въ губерніяхъ преимущественно русскаго характера, а изъ нихъ тамъ, гдѣ населеніе болѣе густо, гдѣ тѣснота отъ его перероста ощутительнѣе. Само собою разумѣется, что число переселяемыхъ должно находиться въ соразмѣрности съ приростомъ населенія, чтобы не обезлюдились мѣстности, откуда происходитъ выселеніе. Только разумно устроенное переселенческое движеніе можетъ считаться прочнымъ и, съ постепеннымъ открытіемъ отстроенныхъ частей желѣзнаго пути, довести нашихъ выселенцевъ до бѣдныхъ русскими обитателями нашихъ сибирскихъ окраинъ.

Массовое передвиженіе не должно совершаться въ безпорядкѣ, какъ это происходило у насъ въ памятные

годы послѣдняго неурожая 1891—1892 г. Поэтому, и теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, надлежитъ правительству озаботиться тѣмъ, чтобы переселенческому движенію данъ былъ опредѣленный характеръ, а самимъ переселенцамъ доставлялись возможныя облегченія и оказывалась, при извѣстныхъ условіяхъ, необходимая и своевременная помощь.

Говоря о переселенческомъ движеніи, мы главнѣйшимъ образомъ разумѣемъ крестьянъ-земледѣльцевъ, представляющихъ рабочія руки государства, на которыя является всегда преимущественный спросъ. Въ дѣлѣ переселенія первое мѣсто очевидно принадлежитъ крестьянскому сословію, такъ какъ только изъ крестьянъ, подавляющихъ численностью все остальное народонаселеніе Россіи, и могутъ составляться большія однородныя партіи переселенцевъ, которыя требуются для заселенія цѣлаго обширнаго края.

Случайное пестрое, такъ сказать разношерстное населеніе, прибывающее на свободныя земельныя пространства, не сдѣлаетъ нашего сибирскаго края настоящимъ русскимъ. Только коренной русскій народъ переселенный туда, въ преобладающей надъ пришлымъ населеніемъ численности и устроенный прочно-осѣдлымъ, перенесетъ съ собою свои вѣковые обычаи, нравы и духъ, словомъ весь строй и укладъ русской народной жизни и этотъ еще непочатый край можетъ сдѣлаться вполнѣ русскимъ. Для того же необходимо заняться прежде всего устройствомъ переселенческаго движенія и подготовленіемъ крестьянъ къ образованію для этой цѣли переселенческихъ партій.

Бюрократическая регламентація и придумываемыя для полицейскаго благоустройства правила не даютъ никогда народу того, что даетъ сама жизнь для его развитія, и потому при всѣхъ мѣропріятіяхъ правительства

къ удовлетворенію народныхъ нуждъ надлежитъ болѣе всего охранять бытовой крестьянскій строй коренной Россіи и давать свободу проявленію русскаго здраваго смысла.

Крестьяне вообще не охотно покидаютъ свою родину, тѣмъ не менѣе они сами постепенно приходятъ къ убѣжденію въ необходимости переселенія тамъ, гдѣ быстрый и естественный приростъ населенія разстраиваетъ ихъ бытовыя земельныя отношенія и имъ становится тѣсно.

Послѣдствіями этой тѣсноты являются для крестьянъ: уменьшеніе, при системѣ душевыхъ надѣловъ, величины надѣльныхъ участковъ до совершенной ихъ непригодности къ веденію на нихъ какого-бы то ни было хозяйства; избытокъ рабочихъ рукъ, остающихся свободными для обработки чужихъ полей и угодій, уменьшающій, обильнымъ предложеніемъ, заработную плату крестьянъ; неизбѣжное вздорожаніе наемной платы за полевыя земли и угодья, арендуемыя крестьянами на сторонѣ у землевладѣльцевъ, къ каковому найму они вынуждены прибѣгать за недостаткомъ у нихъ своей надѣльной земли и т. п. Само собою разумѣется, что возрастающая въ этихъ обстоятельствахъ нужда крестьянъ обостряется въ неурожайные годы. Въ эти годы сборъ хлѣбовъ съ надѣльныхъ крестьянскихъ земель дѣлается уже совершенно недостаточнымъ для народнаго продовольствія, а съ нанимаемыхъ крестьянами земель не покрываетъ стоимости арендной за нихъ платы, да и крестьянскіе заработки, вслѣдствіе неурожая и на земляхъ окрестныхъ землевладѣльцевъ, значительно сокращаются.

Крестьянинъ, видя, что ему нѣтъ никакой возможности ни прокормиться, ни, тѣмъ болѣе, уплатить лежащихъ на немъ податей и другихъ обязательствъ, стре-

мится поневолѣ къ переселенію. Онъ надѣется найти на новыхъ мѣстахъ какія нибудь средства къ существованію, которыхъ дома найти уже не можетъ. Тогда переселеніе произвольное и неудержимое обращается какъ бы въ стихійную силу. Крестьяне идутъ, сами не зная куда, по темнымъ слухамъ, по случайнымъ письмамъ своихъ родственниковъ или односельчанъ, прежнихъ отъ нихъ переселенцевъ. Безпорядочныя переселенческія толпы являются въ наши юго-восточныя губерніи или и въ Сибирь такъ неожиданно, что приводятъ въ большое затрудненіе мѣстныя власти.

Такое стихійное переселеніе представляетъ само по себѣ много противу-государственнаго, и обходится непомѣрно дорого переселенцамъ, а въ концѣ концовъ дѣлается весьма убыточнымъ и для всего государства. Каждому переселяющемуся приходится распродавать на родинѣ свое имущество, котораго онъ съ собой захватить не можетъ. При распродажѣ его крестьяне несутъ конечно обыкновенные въ этихъ случаяхъ убытки, а въ неурожайные годы и разорительные, такъ какъ имущество ихъ идетъ тогда за безцѣнокъ. По прибытіи на неустроенное мѣсто новаго поселенія имъ приходится не рѣдко добывать себѣ хлѣбъ только на пропитаніе, а если еще въ пути были истощены всѣ ихъ скудныя средства, то имъ остается прямо обратиться къ подаянію.

При подобныхъ переселенческихъ движеніяхъ дѣло не обходится и безъ человѣческихъ жертвъ. Опытъ показываетъ, что при вышеописанныхъ условіяхъ переселенія бываютъ случаи, когда отъ 30 до 40% переселяющихся, не выдерживая всѣхъ трудностей, которымъ они подвергаются, погибаютъ до окончательнаго устройства переселенцевъ на мѣстахъ водворенія. Не

устроившимся же почему либо на новыхъ мѣстахъ переселенцамъ приходится возвращаться на родину уже не только бездомными, но и вовсе нищими.

Всего этого мы могли бы избѣгнуть, когда бы отношенія крестьянъ къ землѣ были правильно и вѣрно установлены, какъ въ мѣстностяхъ, откуда идутъ переселенцы, такъ и на мѣстахъ ихъ водворенія. Недробимые семейные участки, о которыхъ было нами говорено прежде, указывали бы опредѣлительно на количество семей, остающихся внѣ возможности получить земельный надѣлъ на родинѣ. Эти семьи и стояли бы прямо на очереди переселяющихся, еслибы не находили, куда имъ пристроиться въ ближнихъ мѣстностяхъ или городахъ.

При условіи, что государственныя зѐмли будутъ отводиться крестьянамъ во многоземельныхъ губерніяхъ Европейской Россіи и въ Сибири, въ ихъ неотчуждаемое пользованіе или владѣніе и оставаться государственными, какъ это прежде всегда и дѣлалось, правительство будетъ имѣть возможность заранѣе знать съ одной стороны, сколько въ метрополіи семействъ на очереди къ переселенію, а съ другой назначать и открывать мѣста переселенія, приспособлять участки къ водворенію на нихъ переселенцевъ и приселять къ нимъ еще и новыхъ, словомъ быть хозяиномъ и устроителемъ крестьянскаго переселенческаго движенія.

Сущность самаго переселенческаго дѣла заключается въ образованіи на мѣстѣ выселенія не только переселенческихъ партій, но и будущихъ сельскихъ Общинъ, въ точномъ указаніи переселяющимся ихъ направленія и въ водвореніи ихъ на мѣстахъ имъ отведенныхъ.

Вновь построенная желѣзная дорога всегда имѣетъ свойство привлекать населеніе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она проходитъ, надеждами на различныя выгоды. Но

чтобы привлечь крестьянъ въ такія мѣстности недостаточно этихъ надеждъ: имъ прежде всего нужна земля, которою они должны быть обезпечены. При этомъ только условіи могутъ быть цѣнны для нихъ тѣ выгоды, которыя привлекаютъ переселенцевъ другихъ сословій къ желѣзной дорогѣ. Надо знать, что нашъ крестьянинъ на столько, можно сказать, жаденъ на землю, что всегда готовъ принять ея сколько ему дадутъ, не соображаясь съ тѣмъ можетъ ли онъ ее обработать своими силами, или вообще обратить ее себѣ на пользу. Землѝ надлежитъ давать ему при переселеніи столько, чтобы количество ея превосходило однако то, какимъ онъ пользовался на прежнемъ мѣстѣ своего поселенія и было достаточно для полнаго обезпеченія земледѣльца съ его семьей въ той мѣстности, куда онъ выселяется, иначе не будетъ у него побужденія къ предпочтенію отдаленнаго и неизвѣстнаго ему края своему родному мѣсту. Этимъ расчетамъ много помогло бы установленіе недробимости семейныхъ участковъ, о которыхъ мы уже говорили, предохраняющее семьи отъ обезземеленія и разоренія.

Въ особыхъ случаяхъ, когда правительство признавало бы необходимымъ дать переселяемымъ крестьянамъ бо̀льшее количество землѝ, чѣмъ слѣдовало бы, по изложеннымъ соображеніямъ, отъ него самого зависѣло бы сдѣлать и это, если земля будетъ оставаться государственною.

Предложеніе крестьянамъ пріобрѣтать въ собственность, покупкой, хотя бы и за низкія цѣны и съ разсрочкой платежей, свободныя государственныя зѐмли, не имѣетъ смысла, по причинѣ общей капитальной бѣдности крестьянъ, которая намъ довольно извѣстна и доказывается тѣмъ, что освобожденные изъ крѣпостнаго состоянія крестьяне, еще задолго до истеченія срока ихъ

послѣднихъ уплатъ, не могли вынести тяготы опредѣленныхъ правительствомъ за ихъ надѣльныя земли ежегодныхъ взносовъ въ казну по разсроченнымъ для нихъ выкупнымъ ссудамъ, такъ что правительство должно было прекратить свою кредитную, для нихъ предпринятую, операцію выкупа. Общая денежная бѣдность крестьянъ обнаруживается и въ томъ еще, что, покупая, чрезъ посредство крестьянскаго банка, земли, съ долголѣтней также разсрочкой уплаты капитальной суммы, они, весьма не рѣдко, бываютъ не въ состояніи продолжать уплату своихъ ежегодныхъ взносовъ въ казну, вслѣдствіе чего, прежде времени, отнимается у нихъ право на пріобрѣтеніе въ собственность закупленнаго ими земельнаго имущества, они запутываются въ своемъ хозяйственномъ положеніи и, вмѣсто улучшенія своего быта, теряютъ всѣ свои, сдѣланныя прежними взносами, покупныя затраты и лишаются такимъ образомъ достатка, нажитаго ими тяжелымъ трудомъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что отношенія крестьянъ къ землѣ должны быть безотлагательно опредѣлены для всей части коренной Россіи, чтобы они могли служить правительству образцомъ земельнаго устройства крестьянъ на новыхъ мѣстахъ водворенія при все увеличивающемся съ каждымъ годомъ переселенческомъ движеніи, куда бы оно направляемо ни было. Въ ожиданіи пересмотра положеній о крестьянахъ въ смыслѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 14 Декабря 1893 года и вслѣдствіе неотложности заселенія обширнаго пространства земли вдоль великаго сибирскаго пути, гдѣ общественная жизнь въ настоящемъ значеніи слова еще не возникала, нѣтъ причинъ препятствующихъ къ водворенію переселенцевъ на началахъ нами указанныхъ—надѣленія ихъ въ неотчуждаемое владѣніе недробимыми тягловыми участками съ общиннымъ

устройствомъ и настоящимъ мирскимъ управленіемъ. Только такое устройство и можетъ оградить переселенцевъ отъ быстраго обезземеленія, какъ мы выясняли выше, при неизбѣжномъ привлеченіи желѣзной дорогой, въ числѣ пришельцевъ, множества всякихъ искателей легкой наживы, аферистовъ и скупщиковъ земель и утвердить въ Сибири духъ и строй русской жизни.

Эти соображенія обращаютъ насъ опять къ Высочайше утвержденному 14 Декабря 1893 года мнѣнію Государственнаго Совѣта: «о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель».

Главнѣйшія положенія этого акта заключаются въ слѣдующемъ:

«Продажа надѣльной земли цѣлыми сельскими обществами допускается не иначе, какъ на основаніи особаго о томъ приговора общества, постановленнаго съ согласія не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, и утвержденнаго губернскимъ присутствіемъ или губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, по принадлежности. Если стоимость отчуждаемаго участка превышаетъ пятьсотъ рублей, то для продажи его требуется, сверхъ того, разрѣшеніе Министра Внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ, а когда участокъ отчуждается для горнопромышленныхъ цѣлей,—и по соглашенію съ Министромъ Государственныхъ Имуществъ».

«Участки надѣльной земли, пріобрѣтенные отдѣльными крестьянами или состоящіе въ подворно-наслѣдственномъ ихъ пользованіи, могутъ быть отчуждаемы посредствомъ даренія или продажи, какъ добровольной, такъ и съ торговъ, за недоимки въ выкупныхъ платежахъ, только лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ»...

«До уплаты выкупной ссуды, выдѣлъ отдѣльнымъ домохозяевамъ и досрочный выкупъ ими участковъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ съ согласія общества и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ подлежащаго сельскаго схода» [1]).

Вникая въ значеніе этихъ мѣръ, мы должны дать себѣ отчетъ, дѣйствительно ли, и въ какой мѣрѣ, предупреждается ими отчужденіе крестьянскихъ надѣльныхъ земель, каковая цѣль была положена въ основаніе этихъ мѣръ.

Прежде всего бросается въ глаза, что въ приведенномъ узаконеніи для предупрежденія отчужденія крестьянами этихъ земель постановленъ рядъ правилъ о томъ лишь, какимъ порядкомъ должна быть допускаема продажа крестьянами ихъ надѣльныхъ земель, но о запрещеніи отчуждать ихъ не упоминается въ немъ ни однимъ словомъ.

Далѣе измѣняется нѣсколько 165 статья пол. о вык. и изъясняется вкратцѣ новый порядокъ, какъ долженъ совершаться отдѣльными крестьянами досрочный выкупъ и выдѣлъ въ ихъ собственность участковъ изъ земли, пріобрѣтаемой посредствомъ выкупа цѣлымъ обществомъ, но имъ еще не пріобрѣтенной, слѣдовательно сущность помянутой 165 статьи — досрочный выкупъ—оставляется въ силѣ.

Какъ ни полезны эти мѣры, предпринятыя правительствомъ до общаго пересмотра въ законодательномъ порядкѣ положеній о крестьянахъ, но онѣ затрудняютъ только различными формальностями продажу крестьянами ихъ надѣльныхъ земель, не разрѣшая, окончательно и въ существѣ, крестьянскаго землевладѣнія,

---

[1]) См. Собраніе узаконеній и распоряженій Правительства 28 Янв. 1894 г., № 15.

и составляютъ можно сказать только первый шагъ на пути, указанномъ Верховною властію, къ удержанію этихъ земель въ неотъемлемомъ владѣніи крестьянъ. Нельзя же остановиться на этомъ до общаго пересмотра всего положенія о крестьянахъ, успокоивая себя тѣмъ, что надлежащія мѣры, для предупрежденія отчужденія надѣльныхъ крестьянскихъ земель, уже приняты. Мысль, положенная въ основу закона, не проведена до конца, а полумѣрами не можетъ быть твердо установленъ такой важнѣйшій изъ устоевъ русской народной жизни, какъ крестьянское землевладѣніе.

Мы не должны упускать изъ вида, что положеніе о крестьянахъ, при общемъ пересмотрѣ его, должно быть еще согласовано и съ общимъ нашимъ гражданскимъ законодательствомъ и что на все это нужно много времени и труда, между тѣмъ какъ опредѣленіе основаній крестьянскаго земельнаго положенія не терпитъ отлагательства, и необходимо, чтобы эти основанія были заранѣе выработаны для руководства при пересмотрѣ въ законодательномъ порядкѣ положенія о крестьянахъ. Насъ не должна покидать мысль, что во всемъ этомъ дѣлѣ самое существенное и важное есть очевидно признаніе неотчуждаемости крестьянскихъ надѣльныхъ земель, опредѣляющее, само собою, ясно и на законномъ и историческомъ основаніи, отношенія крестьянъ къ землѣ. Между тѣмъ до сихъ поръ признаніе неотчуждаемости ставится какъ бы въ зависимость отъ будущаго пересмотра узаконеній, опредѣляющихъ права и обязанности крестьянъ, тогда какъ наоборотъ пересмотръ этихъ узаконеній долженъ быть поставленъ въ зависимость отъ упомянутаго признанія. Вѣдь мѣры, нынѣ принятыя по закону 14 Декабря 1893 года, да и самый пересмотръ всего положенія о крестьянахъ вызваны признаніемъ необ-

ходимости сохраненія за крестьянскимъ сословіемъ всей площади ихъ надѣловъ.

Какими окажутся въ дѣйствіи эти мѣры, во всякомъ случаѣ лишь профилактическія (подготовительныя) можетъ показать только будущее. Сущность же остается все таже: отчужденіе крестьянскихъ надѣльныхъ земель (цѣлыми обществами), даже въ постороннія руки, не отмѣнено, а лишь ограничено для отдѣльныхъ крестьянъ право продажи ихъ надѣльныхъ участковъ.

Въ подкладкѣ этихъ постановленій лежитъ коренное противорѣчіе, именно: съ одной стороны—признаніе крестьянъ теперь уже собственниками, потому, что продажа ими этихъ земель допускается, а съ другой непризнаніе этихъ земель собственностью крестьянъ, вслѣдствіе ограниченія домохозяевъ въ правѣ распоряжаться ими, тогда какъ по закону право распоряженія своимъ имуществомъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ, у правоспособнаго собственника ограничено быть не можетъ.

Между тѣмъ, какъ легко и просто могли бы быть устранены, съ самаго начала, всѣ эти недоразумѣнія и несогласія съ дѣйствующими у насъ законами, когда бы только прямо и ясно ставился основной вопросъ. Въ данномъ случаѣ онъ заключается въ томъ: на основаніи нашихъ законовъ имѣютъ ли крестьяне теперь уже право продавать ихъ надѣльныя зѐмли или не имѣютъ?— Отвѣтъ на это опредѣленный: если они теперь уже собственники ихъ земельныхъ надѣловъ, то не только о лишеніи, но даже и о какомъ либо, закономъ не предусмотрѣнномъ, ограниченіи ихъ прàва собственности и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ это было бы прямымъ нарушеніемъ закона. Если же они не собственники, то, само собою разумѣется, что ни цѣлыми обществами, ни отдѣльными крестьянами отчужденіе не принадлежа-

щихъ имъ въ собственность земель совершенно недопустимо. Собственниками же купленныхъ правительствомъ земель, т. е. государственныхъ, какъ было уже изъяснено выше, крестьяне ни въ какомъ случаѣ признаны быть не могутъ до полнаго погашенія ими выкупа у казны этихъ земель, т. е. не ранѣе первой половины будущаго столѣтія, когда наступитъ послѣдній срокъ взноса платежей, а также и до выдачи имъ на эти земли актовъ укрѣпленія, коихъ порядокъ совершенія и форма, ни положеніями 19 Февраля 1861 года, ни позднѣйшими узаконеніями, еще до сихъ поръ и установлены не были. Изъ этого прямо слѣдуетъ, что, независимо отъ пересмотра всего положенія о крестьянахъ, всякая продажа ими ихъ надѣльныхъ земель должна быть теперь же безусловно и неотлагательно воспрещена.

Что касается 165 статьи о досрочномъ выкупѣ, то она уже принесла свои горькіе плоды. Это и было главнымъ образомъ побужденіемъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ къ принятію, до пересмотра всего положенія о крестьянахъ, различныхъ мѣръ къ устраненію укоренившагося зла — расхищенія крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ, особенно въ нашихъ западныхъ и южныхъ губерніяхъ.

Въ самомъ началѣ введенія въ дѣйствіе положеній 19 Февраля 1861 года 165 статья оставалась безъ примѣненія, мертвою буквою. Самимъ крестьянамъ не приходило и въ голову выкупать свои надѣлы на основаніи этой статьи, да и средствъ на такіе досрочные выкупы у нихъ не было, но впослѣдствіи разные аферисты стали пользоваться ею, и, при стѣсненномъ положеніи домохозяина, обращать эту 165 статью, можно сказать, въ лазейку для перевода въ частныя, не крестьянскія руки, надѣльныхъ крестьянскихъ участковъ. Это обдѣлыва-

лось очень просто: ловкій искатель всякой наживы, когда попадался ему домохозяинъ, запутавшійся въ денежныхъ средствахъ, что у крестьянъ бываетъ нерѣдко, склонялъ его, представленіемъ всякихъ выгодъ, къ пріобрѣтенію имъ его надѣльнаго участка въ собственность, на каковой предметъ тотчасъ ссужалъ его и деньгами для взноса въ уѣздное казначейство всей причитающейся на долю домохозяина выкупной ссуды, даже если нужно для поощренія его, и съ небольшимъ излишкомъ, смотря по уговору. Послѣ же исполненія всѣхъ формальностей досрочнаго выкупа надѣльный участокъ, такъ или иначе, на законномъ основаніи, если нужно и совершеніемъ особаго акта укрѣпленія, переходилъ въ собственность того, кто снабдилъ домохозяина деньгами на выкупъ, а во многихъ случаяхъ, перепродавался этимъ послѣднимъ пріобрѣтателемъ и другому лицу, конечно съ большимъ барышемъ. Само собою разумѣется, что эти аферы устроивались такъ, чтобы судебная власть, обставленная всегда своими неизбѣжными юридическими формальностями, не могла уже возвратить отчужденную, хотя бы и прикрытымъ обманомъ, землю обездоленному крестьянину—ея первому собственнику, не имѣющему понятія о порядкахъ и всѣхъ тонкостяхъ нашего судопроизводства. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ не малое количество надѣльныхъ земель вышло изъ крестьянскаго владѣнія и не мало крестьянскихъ семей было обезземелено и тѣмъ обращено въ пролетаріевъ [1]).

---

[1]) О томъ, какое количество крестьянскихъ надѣльныхъ земель, съ помощью досрочнаго выкупа, отошло, съ 1861 года по нынѣшнее время, въ частную собственность, нѣтъ точныхъ свѣдѣній. За первое приблизительно десятилѣтіе послѣ освобожденія крестьянъ, до начала семидесятыхъ годовъ, эти свѣдѣнія, сколько мнѣ извѣстно, собирались, а затѣмъ собираніе ихъ, или по крайней мѣрѣ обнародованіе было почему-то

Кромѣ того 165 статья подавала съ самаго начала, какъ подаетъ и теперь, поводъ къ недоразумѣнію: чего собственно желаетъ правительство для крестьянскаго поземельнаго устройства послѣ ихъ освобожденія: обратить ли общины и общества крестьянъ въ собственниковъ ихъ надѣльныхъ земель, или каждаго домохозяина сдѣлать собственникомъ его надѣльнаго участка?

Изъ того, что всѣ выкупныя сдѣлки облекались въ форму договоровъ съ цѣлыми обществами, утверждаемыхъ правительствомъ, за круговой ихъ порукой, надо было думать, что общества предназначались быть коллективными собственниками выкупаемыхъ земель. Изъ того же, что надѣльные семейные участки изъ общественной земли дозволялось пріобрѣтать и отдѣльно домохозяевамъ, внесшимъ прямо въ уѣздное казначейство всю сполна причитающуюся на участокъ выкупную ссуду, до общаго срока погашенія всего выкупнаго платежа и тогда требовать отъ общества, помимо его

прекращено. Отошедшихъ отъ крестьянъ въ частную собственность надѣльныхъ земель, по тѣмъ свѣдѣніямъ, считалось 220.000 десятинъ. По свѣдѣніямъ же, добытымъ авторомъ N статьи: «Выкупные платежи и крестьянское землевладѣніе», на которую я уже ссылался выше, показано, что въ теченіе только шести лѣтъ—съ 1882 по 1888 годъ выкуплено на томъ же основаніи безъ малаго 400.000 десятинъ, что съ прежними, мной приводимыми, составитъ безъ малаго 620.000 Остается еще около двадцати лѣтъ, протекшихъ послѣ освобожденія крестьянъ, за которые у насъ нѣтъ никакихъ свѣденій. Въ этотъ періодъ времени легко могло быть выкуплено еще 400.000 десятинъ, по соображенію съ ходомъ всего дѣла. Прибавивъ и эту цифру къ предыдущимъ, получимъ цѣлый милліонъ десятинъ государственной земли, отошедшей отъ крестьянскихъ общинъ или обществъ въ частную собственность, и этотъ расчетъ можно считать скорѣе уменьшеннымъ, чѣмъ преувеличеннымъ, во всякомъ же случаѣ близко подходящимъ къ истинѣ; но такъ или иначе было бы крайне полезнымъ, въ виду пересмотра положеній о крестьянахъ, собрать точныя свѣдѣнія о количествѣ всѣхъ этихъ земель, какъ обратившихся уже въ личную собственность крестьянъ же, такъ и отошедшихъ отъ нихъ въ частную собственность лицъ другихъ состояній.

воли и желанія, выдѣла себѣ такого участка, выходило, что правительство поставило себѣ конечной цѣлью обращеніе отдѣльныхъ крестьянъ въ собственниковъ ихъ земельныхъ участковъ. А такъ какъ собственникъ едва ли можетъ согласиться обратить свою собственность въ общее владѣніе, то понятно, что 165 статья пол. о вык., подрывающая въ существѣ своемъ общинное землевладѣніе, должна неминуемо вести сельскія общества и общины къ распаденію, чего правительство, освобождая крестьянъ, въ виду не имѣло.

Поправка 165 статьи, заключающаяся лишь въ томъ, что досрочный выкупъ отдѣльными домохозяевами и выдѣлъ имъ участковъ можетъ совершаться «не иначе, какъ съ согласія общества и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ сельскаго схода», не устраняетъ недоразумѣній, а возбуждаетъ еще и новыя.

Эта статья, какъ она была постановлена прежде, допускала, при досрочномъ выкупѣ, сверхъ того, что оставлено въ ней теперь, взносъ отдѣльнымъ домохозяиномъ, и помимо согласія своего общества, непосредственно въ уѣздное казначейство всей причитающейся за его надѣльный участокъ ссуды, разомъ. Значитъ крестьянинъ, чтобы сдѣлаться собственникомъ своего надѣла, былъ обязанъ прежде всего выкупить его безъ разсрочки платежа и окончить всѣ свои расчеты съ казною. Этимъ явно устанавливалось, что правительство не считало крестьянъ собственниками ихъ надѣльныхъ земель до полнаго ихъ выкупа и признавало эти земли собственностью государства, такъ какъ въ качествѣ его представителя, распоряжаясь ими, принимало непосредственно уплату за нихъ въ казначейство.

Послѣдовавашимъ въ законѣ 14 Декабря 1893 года измѣненіемъ 165 статьи устранено теперь непосредственное участіе правительства въ досрочномъ выкупѣ

отдѣльными домохозяевами ихъ надѣльныхъ земельныхъ участковъ. Распоряжаться ихъ отчужденіемъ въ личную собственность крестьянъ предоставляется исключительно самимъ обществамъ, на сельскихъ сходахъ; но предоставленіе имъ такого права распоряженія остается, какъ и было съ самаго начала, признаніемъ крестьянскихъ обществъ уже собственниками еще невыкупленныхъ ими земель. Явное противорѣчіе, и какъ согласовать это съ заявленнымъ въ приведенномъ узаконеніи намѣреніемъ правительства предупредить отчужденіе крестьянскихъ надѣльныхъ земель?

При подобныхъ противорѣчіяхъ въ законѣ неистощимые въ изобрѣтательности искатели легкой наживы найдутъ способы добывать и согласіе сельскихъ сходовъ на досрочный выкупъ домохозяиномъ его надѣльнаго участка, а затѣмъ перевести его и въ свою собственность, какъ они дѣлали это и прежде, ловко обходя законныя препятствія. Наконецъ новая постановка 165 статьи пол. о вык. не устраняетъ возможности цѣлому сельскому обществу раздробиться, еще до срока выкупа всей общинной земли, на отдѣльныхъ собственниковъ своихъ земельныхъ участковъ съ денежной помощью скупщиковъ земель и съ согласія на то двухъ третей всѣхъ домохозяевъ на сходѣ, и тогда, по распаденіи такимъ образомъ общиннаго владѣнія, этимъ собственникамъ не можетъ быть возбраняема продажа своихъ участковъ въ постороннія не крестьянскія руки, потому что такое воспрещеніе было бы нарушеніемъ нашихъ коренныхъ гражданскихъ законовъ, чему мы уже приводили доказательства. Выводъ изъ этого тотъ, что если жертвами досрочнаго выкупа, при прежней его постановкѣ, были крестьянскія семьи, то теперь, при новыхъ условіяхъ, этими жертвами могутъ быть цѣлыя сельскія общества крестьянъ.

Изъ всего вышесказаннаго по поводу 165-й статьи пол. о вык. вытекаетъ, что правительство, хотя и пришло къ сознанію о ея вредѣ и о необходимости положить предѣлъ допущенному этою статьею выходу земель изъ рукъ крестьянскаго сословія, но прибѣгло тѣмъ не менѣе въ законѣ 14 Декабря 1893 года лишь къ ослабленію, нѣкоторыми формальностями, вреднаго дѣйствія 165-й статьи, вмѣсто того, чтобы отмѣнить ее окончательно и неотложно. Никакія опредѣленныя цѣли подобными полумѣрами не достигаются. Полумѣры вытекаютъ изъ колебанія мысли и нерѣшительности идти до конца по намѣченному пути. Въ ограниченіи дѣйствія 165-й статьи пол. о вык. видна цѣль правительства предупредить обезземеленіе крестьянъ; остается только довести дѣло до конца, и совсѣмъ отмѣнить эту статью.

Отъ земельнаго положенія крестьянъ намъ остается перейти еще къ ихъ общинному, бытовому устройству и вывести изъ всего изложеннаго общее окончательное заключеніе.

III.

Крестьянское самоуправленіе. Миръ и общественные сходы. Общинное землевладѣніе и Община. Заключеніе.

Въ книжкѣ моей: «Выводы и заключеніе» [1]) я говорилъ о томъ, что отводъ крестьянамъ земельныхъ участковъ, до ихъ освобожденія, имѣлъ своимъ основаніемъ всегда семейное начало, что, при всемъ разнообразіи строенія Общины въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, какая бы ни была принята сельскимъ обществомъ система надѣленія землею—тягольная или подворная—земельный участокъ давался только женатому крестьянину съ его семьей, который и считался домохозяиномъ. Участокъ отдавался ему разумѣется безъ права продажи его въ другія руки, такъ какъ это право можетъ принадлежать только собственнику. Чаще всего участокъ удерживался въ семьѣ потомственно, потому что и помѣщичьи и государственныя зѐмли, которыми надѣлялись крестьяне, никогда не отчуждались изъ владѣнія общества. Изъ этого видно, что семейное начало было устоемъ крестьянскаго землевладѣнія.

Внутреннее управленіе дѣлами общества: опредѣленіе размѣра земельныхъ участковъ, раздѣлъ и передѣлъ ихъ

---

1) См. Освоб. крест. въ царств. Императора Александра II, «Выводы и заключеніе» Н. П. Семенова, изд. 1893 и 1894 года, стр. 13—23 и 25.

между крестьянами, раскладка лежащихъ на нихъ повинностей и т. п., разборъ споровъ и недоумѣній между членами общины и жителями ея деревни — все это принадлежало Миру.

Миръ въ своемъ составѣ—это всѣ крестьяне, причисленные къ обществу, не исключая и женщинъ, словомъ вся деревня. Въ проявленіи же своей дѣятельности Миръ—это обязательное согласіе всѣхъ общественниковъ, вслѣдствіе чего всѣ они, до освобожденія крестьянъ, по укоренившемуся у нихъ вѣковому обычаю, могли принимать участіе въ мирскихъ сходахъ. Дѣла на нихъ рѣшались не иначе какъ общимъ согласіемъ всѣхъ явившихся на сходъ. Голоса на сходахъ не отбирались вовсе, голосованіе на нихъ не могло имѣть никакого значенія, потому что не число голосовъ, а только общее всѣхъ согласіе давало силу мирскому рѣшенію.

При такомъ обычномъ порядкѣ стремленіе каждаго общественника естественно направлялось къ тому, чтобы найти такой исходъ дѣлу, который былъ бы всѣмъ сочувственъ, удовлетворялъ общему желанію и не былъ бы никому обиденъ, а такая цѣль достигается только правдой и справедливостью. Если угодить всѣмъ и нельзя, то вѣрнымъ остается то, что одна правда, даже когда бываетъ и горькою, имѣетъ свойство рано или поздно удовлетворить всякаго человѣка, и для неправаго она все таки сохраняетъ еще въ себѣ какую то какъ будто притягательную силу.

Въ настроеніи къ общему согласію всякій сознаетъ яснѣе, что въ каждомъ дѣлѣ справедливое и вѣрное (а стало быть и лучшее) рѣшеніе можетъ быть только одно и что его достиженіе добывается скорѣй всего общимъ согласіемъ. Вотъ почему нашъ русскій Миръ издревле имѣлъ въ нашей исторіи такое важное значеніе. Онъ принадлежалъ всѣмъ слоямъ общества, всему народу.

Онъ созидалъ наше государство и спасалъ Россію въ тяжкія годины смутъ. Московскій Миръ, общимъ согласіемъ (а за нимъ пошла и вся русская земля), избралъ на царство Михаила Θеодоровича Романова, и тѣмъ сохранилъ спасительное для насъ единодержавіе. Съ преобразованіями Петра Великаго въ наши государственныя учрежденія введено было иноземное, коллегіальное начало *рѣшающаго большинства* голосовъ, и съ той поры Миръ устоялъ у насъ только въ крестьянскомъ сословіи. Нужно ли еще доказывать, что согласіе есть самое дорогое благо человѣчества? Вѣдь о дарованіи намъ его ежедневно молится наша православная церковь. Общимъ согласіемъ всего болѣе дорожилъ нашъ вѣнчанный Миротворецъ Императоръ Александръ Александровичъ, водворяя его властно и за предѣлами нашего отечества. Онъ признавалъ нашу крестьянскую Общину, руководимую Миромъ, т. е. общимъ согласіемъ, устоемъ русской народной жизни. Не даромъ старая и всѣмъ извѣстная латинская пословица говоритъ, что согласіемъ малыя дѣла выростаютъ въ великія, тогда какъ раздоромъ великія дѣла обращаются въ ничтожество: «*Concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur*».

Въ Западной Европѣ право сильнаго и культъ личности созидали государства насиліемъ и борьбой, наложившими неизгладимую печать на всѣ проявленія тамошней государственной и народной жизни. Въ Россіи же общинное, мирское начало, подчинявшее себѣ проявленіе личности, запечатлѣло всѣ крупныя историческія событія, созидавшія Россію общимъ согласіемъ и сплотило ее въ цѣлое, единодержавное и могущественное государство.

Искусственное введеніе въ сельскіе сходы, положеніемъ 19 Февраля 1861 года, *голосованія*, въ которомъ они

вовсе не нуждались и не нуждаются, представляется намъ какъ бы приглашеніемъ общественниковъ къ непривычному для нихъ разногласію, а на допущеніе *рѣшающаго большинства* голосовъ мы смотримъ какъ на внесеніе раздора въ мирскіе сходы, тогда какъ эти послѣдніе при разборѣ всякаго дѣла, въ продолженіе вѣковъ, умѣли, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, достигать общаго согласія въ приговорахъ Мира. Крестьяне и до сихъ поръ еще не могутъ понять, какъ рѣшеніе большинства голосовъ можетъ стать приговоромъ Мира, который состоитъ изъ всѣхъ общественниковъ; поэтому тѣ дѣла, которыя затрогиваютъ существенныя интересы всего общества, вершатся и понынѣ только общимъ согласіемъ всего схода. По тѣмъ же дѣламъ, которыя, вслѣдствіе преподанныхъ правилъ, рѣшаются большинствомъ голосовъ, нынѣ постоянно приносятся крестьянами жалобы на неправильность рѣшеній, что видно изъ практики крестьянскихъ учрежденій. Эти жалобы вызываются довольно часто не столько несправедливостью рѣшенія, сколько тѣмъ, что крестьяне между своими себѣ равными, не признаютъ обязательнымъ для себя подчиненія большинству ихъ голосовъ. Обязательнымъ они считаютъ подчиненіе только приговору Мира, котораго главенство надъ собой признаетъ каждый крестьянинъ въ отдѣльности.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ крестьянскій Миръ не правительственное учрежденіе. Онъ есть свободный бытовой и вѣковой союзъ русскаго народа, самобытно возникшій въ его исторической жизни. Всякая регламентація можетъ только стѣснить или и совсѣмъ разрушить его. Онъ, по внутреннему своему смыслу, не сживается ни съ какимъ коллегіальнымъ порядкомъ. Къ нему нельзя привить правилъ, дѣйствующихъ въ нашихъ государственныхъ и гражданскихъ учрежденіяхъ. Мирскіе

сходы не могутъ быть приравниваемы и къ нашимъ сословнымъ дворянскимъ собраніямъ, регламентированнымъ и принявшимъ уже совсѣмъ характеръ коллегіальныхъ учрежденій, гдѣ все рѣшается голосованіемъ, которое, сказать мимоходомъ, не привело однако нашего передоваго сословія къ тому единству, въ какомъ держится, еще и нынѣ, стоящее на низшей ступени общественнаго положенія, крестьянское сословіе. Въ немъ только и находитъ себѣ еще уголокъ общественное согласіе, какъ будто гонимое изъ своего послѣдняго убѣжища—крестьянской Общины.

Коллегіальное устройство не представляетъ еще такого безусловнаго совершенства, чтобы ставить его на мѣсто русскаго бытоваго союза, достигающаго всегда полнаго согласія и единства въ своихъ мирскихъ приговорахъ, тогда какъ единогласіе, самая совершенная форма рѣшеній, бываетъ лишь исключеніемъ въ дѣлахъ коллегіальныхъ учрежденій, и чѣмъ многолюднѣе собраніе (каковыми бываютъ всегда мірскіе сходы), тѣмъ труднѣе, при коллегіальномъ устройствѣ, достигнуть единогласія. При коллегіальномъ порядкѣ на многолюдыхъ собраніяхъ рѣшенія бываютъ нерѣдко случайными, а при простомъ большинствѣ голосовъ иногда и совсѣмъ неожиданными. На мирскихъ сходахъ, при отсутствіи голосованія, этого и быть не могло.

Въ сельской общинѣ, гдѣ всѣ крестьяне знаютъ всегда до тонкости всѣ обстоятельства жизни каждаго своего сочлена и всѣ условія разбираемыхъ на сходѣ дѣлъ, затрогивающихъ ихъ частные или общественные интересы, полное подчиненіе Миру, ведущее къ единству мирскихъ рѣшеній, является для всякаго изъ нихъ не только естественнымъ, но и неизбѣжнымъ, по соображеніямъ практическимъ: отъ общаго согласія всѣхъ зависитъ, сколько поддержка всякаго отдѣльнаго кресть-

янина въ его положеніи, столько же и огражденіе всего Мира отъ растройства и цѣлой общины отъ распаденія. Въ этомъ тѣсномъ сплетеніи взаимныхъ отношеній членовъ общины между собой и всегдашней зависимости ихъ интересовъ отъ Мира лежитъ основа того единства мирскихъ приговоровъ, которое такъ чуждо бюрократическимъ и коллегіальнымъ учрежденіямъ Западной Европы, перенесеннымъ оттуда и въ Россію. Это единство будетъ всегда чуждо нынѣшнимъ сельскимъ обществамъ, пока не будетъ отмѣнено рѣшающее большинство голосовъ на мирскихъ сходахъ, разрывающее живую и крѣпкую связь члена общины съ ея Миромъ и Мира со всѣми членами общины. Вслѣдствіе голосованія рѣшенія сельскихъ сходовъ, всегда многолюдныхъ, будутъ неминуемо подвергаться случайностямъ и неожиданностямъ, и на нихъ будетъ дѣйствовать и вино, безъ котораго въ нынѣшнее время слишкомъ часто сельскіе, а особенно волостные сходы не обходятся, чего, до введенія новаго порядка рѣшеній, въ обычаѣ не было.

На единствѣ Мира и его главенствѣ, признаваемомъ надъ собою каждымъ общественникомъ, только и могла создаться и держаться, какъ прочное и осмысленное установленіе, круговая порука. Сохраненная и при нынѣшнихъ порядкахъ въ крестьянскихъ обществахъ, она, не безъ основанія, подвергается осужденію, потому что безъ Мира, въ присущей ему бытовой формѣ, она не имѣетъ никакого смысла: круговая порука принадлежитъ мирскому устройству общинъ, а не коллегіальнымъ учрежденіямъ.

Защитники введенія на сельскихъ сходахъ голосованія, съ его рѣшающимъ большинствомъ голосовъ, оправдываютъ это узаконеніе опасеніемъ, что когда правительству необходимо будетъ въ данныхъ обстоятельствахъ имѣть приговоръ общества, то можетъ случиться,

что общаго согласія на сходѣ не послѣдуетъ, и дѣло останется безъ рѣшенія.

О такомъ случаѣ, до освобожденія крестьянъ мнѣ даже и слышать не приходилось. Правда бывало (и то рѣдко), что крестьяне на сходѣ не могли сговориться; но тогда сходъ расходился и собирался опять, пока на немъ не состоится приговора. Приходить на сходахъ къ общему согласію было народной потребностью съ тѣхъ поръ, какъ Миръ у насъ сложился, а потомъ это стало и вѣковою привычкой нашего народа, о чемъ мы имѣемъ свидѣтельства нашей исторіи, а если и допустить, что по дѣлу, предоставленному на волю крестьянскаго Мира, не послѣдовало бы согласнаго рѣшенія, т. е. что приговоръ не состоялся бы, что̀ отъ этого потеряло бы правительство?

Въ частныхъ мирскихъ дѣлахъ общества, нѣтъ вовсе основанія предполагать, что въ ихъ рѣшеніяхъ могутъ встрѣтиться случаи несогласія, когда даже и теперь еще по дѣламъ, захватывающимъ ихъ живые интересы, они не прибѣгаютъ къ голосованію, и мирскіе приговоры постановляются ими единогласно.

Опасенія, о коихъ идетъ рѣчь, слѣдуетъ относить по справедливости не къ мирскому строю, а къ тому коллегіальному порядку рѣшеній, который преподанъ въ положеніи объ освобожденіи крестьянъ мирскимъ сходамъ, и нельзя не предвидѣть, что со временемъ, если только рѣшающее большинство голосовъ пуститъ корни въ средѣ крестьянъ, единогласныя на ихъ сходахъ рѣшенія будутъ такимъ же, если еще не болѣе рѣдкимъ, явленіемъ, какъ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, и тогда придетъ конецъ крестьянскому Миру, разстроится согласіе и единство сельскихъ обществъ и они неизбѣжно распадутся.

При крѣпостномъ правѣ помѣщикъ предоставлялъ

обыкновенно на волю Мира разбирательство такихъ дѣлъ, которыя касались общественныхъ и личныхъ интересовъ его крестьянъ и отношеній ихъ между собою, и Миръ его деревни, правотой и здравымъ смысломъ своихъ приговоровъ, дѣлался не рѣдко какъ бы руководителемъ умнаго помѣщика въ его управленіи своими крестьянами; во многихъ же случаяхъ былъ ему въ немъ помощникомъ, избавляя его отъ надоѣдливаго вмѣшательства въ разборъ мелкихъ дѣлъ подвластнаго ему общества и разныхъ дрязгъ, происходившихъ у крестьянъ его между собою. Миръ и при крѣпостномъ состояніи имѣлъ на столько жизненности и самостоятельности, что не рѣдко охранялъ крестьянъ отъ произвола помѣщичьей власти и злоупотребленія ею тѣми, которые, по довѣрію помѣщика, были поставлены надъ его крестьянами.

Помѣщикъ, какъ собственникъ крестьянъ, и надѣльной ихъ земли, стоялъ надъ Миромъ, и могъ признавать и отвергать мирскіе приговоры, и, не смотря на то однако, и подъ гнетомъ помѣщичьей власти, Миръ уцѣлѣлъ во всемъ его историческомъ и бытовомъ значеніи. Правительство, въ вѣдѣніе котораго перешли нынѣ бывшіе крѣпостные крестьяне, имѣетъ въ своемъ распоряженіи конечно болѣе возможности и средствъ къ охраненію единства и крѣпости Мира, нежели имѣли ихъ помѣщики. При объединеніи управленія всѣми свободными крестьянами, подъ вѣдѣніемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ въ 1836 году, правительство, образовавъ Сельскіе Сходы, постановило основаніемъ порядка ихъ рѣшеній *единогласіе*, не смотря на то, что эти Сходы были созданы искусственно, для рѣшенія дѣлъ сельской администраціи, такъ какъ на нихъ принимали участіе въ разборѣ дѣлъ только *сельскіе начальники* и *выборные*, назначаемые изъ государственныхъ

крестьянъ, по два отъ каждыхъ десяти дворовъ, а не всѣ общественники [1]). Эти Сходы ничего общаго съ Миромъ не имѣютъ подобно тому какъ и нынѣшніе Волостные Сходы, составляемые также изъ выборныхъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе правительство предоставило подлежащимъ властямъ, когда на Сельскомъ Сходѣ «не всѣ будутъ согласны, принимать за утвердительное рѣшеніе то, съ которымъ согласно (простое) большинство присутствующихъ на Сходѣ лицъ» [2]).

Создавъ особыя, какъ бы административныя, единицы изъ помянутыхъ Сельскихъ Сходовъ, правительство не нашло однако возможнымъ уничтожить мирское устройство Сходовъ для дѣлъ, касающихся «до исключительныхъ выгодъ или тягостей одного или нѣсколькихъ селеній». Хотя оно и ввело въ составъ этихъ особыхъ сходовъ домохозяевъ и Сельскаго Старшину и опредѣлило въ точности ихъ компетенцію, но о порядкѣ рѣшенія на нихъ дѣлъ ничего не было постановлено, вслѣдствіе чего и сохранился на этихъ сходахъ бытовой мирской порядокъ.

Такимъ образомъ въ 1836 году у крестьянъ, бывшихъ въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ, Миръ былъ охраненъ отъ регламентаціи его приговоровъ.

Въ этомъ отношеніи не такъ было поступлено при составленіи Положенія о Крестьянахъ 1861 года. Имъ введено на Мирскихъ сходахъ, обязательное голосованіе и не одно *простое* рѣшающее большинство, а въ указанныхъ закономъ случаяхъ большинство *двухъ третей* голосовъ. Если могутъ быть случаи, что не послѣдуетъ на мирскомъ Сходѣ общаго согласія, то въ равной мѣрѣ

---

[1]) Ст. 4996 Св. зак. т. II, ч. I, Общ. Губ. учр., изд. 1857 года.

[2]) Ст. 5015, тамъ же.

*

могутъ оставаться безъ рѣшенія и дѣла, въ которыхъ не состоится рѣшающаго большинства двухъ третей голосовъ, разница лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ это будетъ значить что приговора не состоялось вовсе, а во второмъ—что произошло разногласіе, и такъ или иначе, рѣшать дѣло придется все-таки правительству.

Изъ всего изложеннаго вытекаетъ, что для сохраненія за Миромъ его смысла, жизненности и значенія необходимо оградить его единогласіе, признавая мирскіе приговоры состоявшимися тогда только, когда послѣдовало общее согласіе на Сходѣ и придать этимъ приговорамъ безапелляціонную силу, дабы крестьяне знали, что ни Земскій Начальникъ, ни другое административное лицо отмѣнить ихъ, по своему произволу, не могутъ; но что всякій мирской приговоръ, который постановленъ въ нарушеніе закона или чьихъ либо чужихъ правъ личныхъ или имущественныхъ, долженъ считаться самъ по себѣ не дѣйствительнымъ и подлежать отмѣнѣ, безъ распространенія на него общей закономъ установленной земской давности. За симъ правительству оставалось бы опредѣлить, какія дѣла могутъ подлежать вообще вѣдѣнію крестьянскаго Мира, какъ это въ свое время было уже сдѣлано относительно государственныхъ крестьянъ [1]) и указать порядокъ, какъ поступать въ рѣшеніи такихъ дѣлъ, по которымъ не состоялось бы почему либо мирскаго приговора.

Къ счастію человѣчества устои народной жизни не вдругъ разрушаются и твердо укоренившіеся обычаи пересиливаютъ и переживаютъ иногда законы. Само время, все разрушающее въ природѣ для новаго созиданія, совершаетъ это постепенно и незамѣтно. Человѣку

---

[1]) Ст. 4998 и 5000 Св. Зак. т. II, ч. I, Общ. Губ. учр., изд. 1857 года.

ли поднимать руку на созидаемое вѣками и рушить его до основанія. Если бы его легкомысліемъ и были поколеблены устои исторической жизни народа, то стòитъ только устранить скорѣе поставленныя имъ препятствія къ дальнѣйшему развитію народной жизни, и эти устои окрѣпнутъ еще для нея; но когда они совсѣмъ рушатся, то никакія повелѣнія не вызовутъ ихъ къ жизни. Такъ разрушенному до основанія крестьянскому Миру не будетъ возврата къ существованію, и духъ его: общее согласіе и единство—покинутъ русскій народъ навсегда.

Съ возстановленіемъ Мира въ его настоящемъ значеніи возстановятся жизненная сила и единство Общины, ослабленной теперь введеніемъ въ нее несоотвѣтствующихъ ея бытовому укладу началъ. Нападки на общинное землевладѣніе, повторяющіяся еще съ разныхъ сторонъ, относятся въ сущности именно къ тому измѣнившемуся нынѣ положенію Общины, которое есть лишь слѣдствіе нововведеній, расшатавшихъ ея вѣковой общественный строй, и не могутъ служить опроверженіемъ того, что было уже высказано нами о крестьянскомъ землевладѣніи и о сохраненіи Общины, какъ драгоцѣннаго и совершенно незамѣнимаго устоя русской жизни [1]). Мы разумѣемъ ту Общину, которая управлялась своимъ Миромъ, а не коллегіальнымъ искусственнымъ порядкомъ, нынѣ его замѣняющимъ; Общину, съ неотчуждаемымъ земельнымъ надѣломъ, который не дробился на душевые участки, непригодные для веденія на нихъ кàкого бы то ни было сельскаго хозяйства, каковое дробленіе вызываетъ частые общіе передѣлы земли, противъ чего уже борется нынѣ само правительство,

---

[1]) См. Освоб. крест. въ царств. Императора Александра II, «Выводы и заключеніе» Н. П. Семенова, стр. 13—30.

принимая мѣры къ ихъ устраненію или хотя отдаленію; Общину, почти не знавшую общихъ передѣловъ, потому что общественную въ ней, не душевую, какъ теперь, а земельную единицу представляли тягло или дворъ, надѣленные разъ навсегда опредѣленнымъ, равномѣрнымъ съ другими, недѣлимымъ, земельнымъ участкомъ; Общину, которой члены были твердо увѣрены въ неотчуждаемости владѣнія надѣльными ихъ участками, такъ какъ крестьяне, до ихъ освобожденія, были всегда крѣпки землѣ, тогда какъ, при нынѣшнемъ положеніи обществъ, этой увѣренности они имѣть не могутъ, потому что существеннаго и необходимаго для того, чтобы земля стала крѣпкою за крестьянскимъ сословіемъ еще не сдѣлано; Общину, пользовавшуюся, подъ сѣнью Мира, даже во время гнета крѣпостной зависимости, свободой самоуправленія въ дѣлахъ, затрогивающихъ интересы общества и касающихся взаимныхъ отношеній крестьянъ между собою; наконецъ Общину, которая, въ совокупности своихъ тяголъ, при общинномъ своемъ землевладѣніи и мирскомъ единствѣ, представляла и сама живую земельную единицу предъ помѣщикомъ и правительствомъ по исполненію лежащихъ на крестьянахъ обязанностей и по отбыванію всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ государственныхъ повинностей. Поэтому я не имѣю повода входить здѣсь въ полемику съ противниками нынѣ искаженнаго общиннаго крестьянскаго землевладѣнія; а укажу только на его неоспоримыя и незамѣнимыя достоинства.

Изъ всѣхъ видовъ землевладѣнія только при общинномъ достигается возможность удовлетворенія, наименьшимъ количествомъ землѝ, наибольшаго числа земледѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ: какая возможность, при маломъ надѣльномъ участкѣ, доставить въ предѣлахъ его воду, выгонъ, покосъ и другія, необходимыя каждому крестьянину угодья, которыми, при общинномъ земле-

владѣнія, всѣ крестьяне одинаково и безпрепятственно пользуются.

Это землевладѣніе обезпечиваетъ осѣдлость крестьянскаго населенія тѣмъ, что, и при перероcтѣ его, все то количество семей, которое уже пользуется неотчуждаемыми участками, и можетъ быть и впредь надѣляемо таковыми изъ свободныхъ еще государственныхъ земель, никогда не обратится въ бездомныхъ скитальцевъ и пролетаріевъ.

Общинное землевладѣніе съ его сельскимъ Миромъ придаетъ одинъ цѣльный характеръ нашему коренному крестьянскому населенію. Въ немъ все таки еще крѣпко держится семейный союзъ, охраняющій чистоту нравовъ, которыхъ симпатичныя черты составляютъ особенность русскаго народа.

Такимъ образомъ, сплоченное своимъ единствомъ, почти стомилліонное крестьянское населеніе, превышающее болѣе чѣмъ на двѣ трети все остальное народонаселеніе Россіи, представляетъ такую силу и отпоръ врагамъ, какихъ не имѣетъ ни одно государство западной Европы. Этого оплота православія, единодержавія, семейнаго союза и народности, если только мы сами же его не разрушимъ, не поколеблютъ никакія вредныя иноземныя ученія; при немъ не найдутъ у насъ почвы ни анархизмъ, ни соціализмъ, ни капитализмъ, вызывающіе за предѣлами нашего отечества революцію, стачки рабочаго класса противъ капиталистовъ и всякіе безпорядки. Такого оплота не являетъ намъ и вся исторія народовъ Западной Европы. На русское общинное землевладѣніе не безъ зависти указываютъ иноземные его изслѣдователи. Такъ, извѣстный баронъ Гакстаузенъ, который еще въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, изучалъ Общину въ Россіи, сознавая, что для Западной Европы нѣтъ уже перехода къ общинному землевладѣнію, пришелъ къ заключенію, что если Россія пойдетъ

по своему историческому пути, то явить свѣту своеобразный культурный типъ государства, болѣе сильный и прочный, нежели типы прочихъ европейскихъ государствъ. Я вспоминаю и еще изреченіе знаменитаго и прославленнаго политическаго дѣятеля, если мнѣ не измѣняетъ память, это слова, произнесенныя бывшимъ германскимъ канцлеромъ Бисмаркомъ въ одной изъ его рѣчей въ Рейхстагѣ, что, «пока существуетъ въ Россіи крестьянская Община, Россія не уязвима» [1]).

Общее владѣніе такими значительными площадями, какими обыкновенно бываетъ надѣлена Община, особенно на государственыхъ земляхъ, отнюдь не есть препятствіе къ введенію улучшенныхъ способовъ обработки земли́, а напротивъ облегчаетъ всякое полезное для хозяйства нововведеніе. Я въ свое время приводилъ примѣры и факты; такъ, между прочимъ, что крестьяне Московской губерніи, цѣлыми сельскими обществами, хлопотали у себя въ Волоколамской земской управѣ о воспособленіи имъ перейти отъ прежняго, обыкновеннаго у насъ трехпольнаго хозяйства къ плодоперемѣнному восьмипольному, что и послѣдовало въ 1892 году [2]).

Земельная Община съ ея историческимъ Миромъ, съ присущей ей круговою порукою и достаточнымъ пространствомъ тягольной надѣльной государственной земли, представляетъ предъ правительствомъ болѣе крупную и состоятельную платежную единицу, нежели каждый отдѣльный владѣлецъ земельнаго участка, и тѣмъ надежнѣе и прочнѣе обезпечивается удовлетвореніе крестьянами государственныхъ потребностей и упроща-

---

[1]) Объ этомъ говорилъ и Кавуръ покойному А. И. Кошелеву, Русск. Архивъ, за 1895 годъ, кн. 12, стр. 515, въ выноскѣ, примѣчаніе П. И. Бартенева.

[2]) См. Освоб. Крест. въ Царств. Императора Александра II «Выводы и заключеніе» Н. П. Семенова, стр. 23—25.

ются какъ фискальныя, такъ и всякія другія отношенія правительства къ массѣ крестьянскаго населенія.

Если на общинное у насъ крестьянское землевладѣніе обращаются взоры выдающихся дѣятелей и ученыхъ западной Европы, которымъ не такъ легко разобраться въ иныхъ неуловимыхъ для нихъ чертахъ русскаго народнаго характера, то въ насъ, при знакомствѣ съ особенностями жизни русскаго народа, это должно возбуждать ревность къ еще болѣе тщательному изученію быта крестьянъ и всего ихъ сельскаго строя, но не по канцелярскимъ только матеріаламъ и соображеніямъ, а въ живой правдѣ и дѣйствительности.

Все что было нами высказано о потребностяхъ крестьянскаго землевладѣнія относится не только къ помѣщичьимъ, но и къ государственнымъ крестьянамъ и вообще къ крестьянамъ всѣхъ прежнихъ наименованій, ибо основанія ихъ землевладѣнія не должны быть различныя: для государственныхъ крестьянъ одни, а для бывшихъ помѣщичьихъ другія, когда всѣ они находятся уже подъ однимъ общимъ вѣдѣніемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и узаконеніе 14 Декабря 1893 года, о предупрежденіи отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель, распространяется на всѣхъ крестьянъ Имперіи.

Мы видѣли, что правительство выкупило у помѣщиковъ, на средства казны, надѣльныя зѐмли ихъ бывшихъ крестьянъ, сдѣлавъ для того государственный долгъ почти въ девятьсотъ милліоновъ рублей, уплатить который крестьяне оказались несостоятельными, не только къ опредѣленному сроку, но и на неопредѣленное время, какъ выше было уже изъяснено.

По уставамъ всѣхъ кредитныхъ учрежденій, при неисправности и несостоятельности плательщиковъ по ссудамъ, у нихъ отбирается имущество для погашенія ссуды и процентовъ по ней. Такъ поступаютъ государ-

ственные дворянскій и крестьянскій земельный банки и всѣ кредитныя учрежденія міра,—такъ могло быть поступлено и съ бывшими помѣщичьими крестьянами, оказавшимися несостоятельными. Но Государь Императоръ Александръ Александровичъ спасъ ихъ отъ раззоренія, а Россію отъ многомилліоннаго пролетаріата, изъявленіемъ, не смотря на эту несостоятельность крестьянъ, своей Державной воли, чтобы надѣльныя ихъ зѐмли были неотчуждаемы.

Такимъ образомъ бывшіе помѣщичьи крестьяне, въ отношеніи этихъ земель, стали въ одинаковое положеніе съ государственными крестьянами. Въ томъ же положеніи должны находиться и всѣ крестьяне, поселяемые вновь на государственныхъ земляхъ. Для государственныхъ крестьянъ и всѣхъ прочихъ, до которыхъ не относилась кредитная операція выкупа, это есть признаніе и подтвержденіе Верховной Властью ихъ исторически установившагося взгляда на надѣльныя зѐмли и глубокаго ихъ вѣрованія, что земля—ихъ кормилица—отнята отъ нихъ не будетъ, а для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, кромѣ того, это была еще и Царская милость [1]).

---

[1]) Считаю не лишнимъ пояснить здѣсь, что удержаніе за крестьянскимъ сословіемъ въ неотчуждаемомъ владѣніи тѣхъ земель, которыми они были надѣлены по уставнымъ грамотамъ и владѣннымъ записямъ, въ силу *положенія* 19 Февраля 1861 года и *послѣдующихъ* узаконеній, нисколько не исключаетъ свободы развитія земельной собственности на всѣхъ частныхъ земляхъ, не входящихъ въ крестьянскіе надѣлы. Большая часть этихъ земель, которыя до освобожденія крестьянъ находились въ личномъ владѣніи частныхъ собственниковъ, состояла изъ занадѣльныхъ земель, принадлежащихъ исключительно дворянскому сословію. Количество этихъ дворянскихъ земель, по введеніи уставныхъ грамотъ, не уменьшилось, а напротивъ увеличилось, вслѣдствіе отрѣзокъ, на которыя положеніе 19 Февраля давало право помѣщикамъ (въ однихъ случаяхъ на отрѣзку *свыше наибольшаго размѣра* надѣла; въ другихъ—на удержаніе за помѣщиками малоземельныхъ имѣній *одной трети* всего

Изъ всего изложеннаго выше мы приходимъ къ такому общему заключенію:

Только безусловная неотчуждаемость крестьянскаго

надѣла; въ третьихъ—на отрѣзку *трехъ четвертей* надѣла, при согласіи крестьянъ идти на даровой надѣлъ). Но извѣстно, что значительный процентъ усиленнаго, положеніемъ 19 Февраля, дворянскаго личнаго землевладѣнія перешелъ нынѣ путемъ купли-продажи въ руки другихъ сословій; несомнѣнно также, что крестьяне, съ помощью и безъ помощи крестьянскаго банка, пріобрѣли въ личную или коллективную собственность несравненно менѣе земель, чѣмъ у нихъ было отрѣзано при введеніи положенія 19 Февраля 1861 года. Вѣрно и то, что дворянскому сословію, относительно возможности дешевой скупки его земель, при несостоятельности платежей по залогу въ банкахъ значительной части дворянскихъ имѣній, грозитъ та же опасность быть обезземеленнымъ, какъ и крестьянамъ, при допущеніи возможности для сихъ послѣднихъ отчужденія надѣльныхъ земель; другими словами и дворянскому сословію предстоитъ таже борьба съ капитализмомъ, готовымъ не только захватить обширныя земельныя пространства, но и подобрать по возможности всю земельную собственность въ государствѣ. Вопросъ о томъ, какъ предупредить такой захватъ исконнаго достоянія нашего землевладѣльческаго класса Русскаго Дворянства, представляющаго также одинъ изъ устоевъ русскаго государства, выходитъ изъ предѣловъ нашего труда; но мы думаемъ, что правительство, не стѣсняя нисколько правъ и свободы личной земельной собственности дворянства, можетъ, разными льготами, придти и къ нему на помощь въ борьбѣ его съ капитализмомъ, обезцѣнивающимъ дворянскія зе́мли. Изъ трехъ главныхъ у насъ, и теперь почти равносильныхъ категорій земель, именно: состоящихъ въ частной (личной) собственности (до *девяносто двухъ милліоновъ* десятинъ); непосредственно государственной свободной (болѣе *ста пятидесяти милліоновъ* десятинъ) и въ неотчуждаемомъ владѣніи крестьянскихъ обществъ (болѣе *ста тридцати милліоновъ* десятинъ)—эта послѣдняя третья категорія, при предлагаемыхъ нами мѣрахъ, не выйдетъ изъ рукъ государства, а свободныя государственныя зе́мли, въ случаѣ если въ число ихъ будутъ поступать просроченныя дворянскія имѣнія, могутъ быть продаваемы на льготныхъ условіяхъ преимущественно дворянамъ же. Однимъ словомъ весь земельный рынокъ останется по преимуществу въ рукахъ главнаго собственника русской земли—государства, и этимъ облегчится задача правительства оградить отъ обезземеленія тѣ сословія, которыя по историческому ихъ положенію ближе всего стоятъ къ землѣ. Относительно приведенныхъ мною цифръ см. Освоб. крест. въ царств. Императора Александра II «Выводы и заключеніе» Н. П. Семенова, стр. 62 и 63.

владѣнія надѣльными землями—въ духѣ народномъ, понятна и дорога крестьянину. При неотъемлемости владѣнія, съ которою неразрывно связаны представленія крестьянъ о землѣ, въ настоящее время и возможно національное культурное развитіе русскаго народа. Пока эта неотъемлемость будетъ существовать въ Россіи, Міръ будетъ стоять прочно и удержится общинное землевладѣніе, съ его тягловымъ надѣленіемъ и семейными участками. Имѣя въ сильной живучести своеобразнаго своего устройства, основаннаго на согласіи и единствѣ, всѣ задатки къ совершенствованію, и примѣняясь къ новымъ требованіямъ жизни, крестьянская Община будетъ представлять твердый оплотъ развитію государства на началахъ православія, единодержавія, семейнаго союза и народности, придающихъ уже Россіи такую силу, какую не могутъ дать ей никакіе, хотя бы и несмѣтные капиталы, скопленные въ немногихъ частныхъ рукахъ.

Въ виду сознаваемой неотложности вывести крестьянское сословіе въ Россіи на прямой и опредѣленный историческій путь, необходимо, ранѣе предстоящаго продолжительнаго пересмотра всѣхъ крестьянскихъ положеній, выяснить, какія мѣры, въ развитіе и исполненіе Высочайшей воли, выразившейся въ законѣ 14 Декабря 1893 года, могутъ быть приняты до общаго пересмотра Положеній о крестьянахъ.

Таками, прямо вытекающими изъ Высочайшаго указанія и долженствующими быть принятыми немедленно, представляются намъ слѣдующія мѣры:

1) Должно быть объявлено указомъ или въ иной узаконенной формѣ, что, несмотря на оказавшуюся несостоятельность бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ къ выкупу ихъ надѣльныхъ земель, эти зѣмли, пріобрѣтенныя правительствомъ у помѣщиковъ, оставляются, по

особой Монаршей милости, *въ неотчуждаемомъ владѣніи* крестьянскаго сословія и должно быть разъяснено притомъ, что надѣльныя зѐмли всѣхъ крестьянъ, которыми они уже владѣютъ и тѣ, которыя впредь поступятъ къ нимъ въ надѣлъ изъ государственныхъ земель, будутъ состоять въ ихъ неотчуждаемомъ владѣніи, безъ права залога или продажи кому бы то ни было.

2) Должно быть отмѣнено, установленнымъ порядкомъ, все *Положеніе о Выкупѣ* 19 Февраля 1861 года, а у государственныхъ крестьянъ узаконеніе 12 Іюня 1886 года *о преобразованіи* съ 1 Января 1877 года государственной оброчной подати,замѣняющихъ ее сборовъ и лѣснаго налога въ *выкупные платежи* и прекращенъ всякій выкупъ крестьянами ихъ надѣльныхъ земель въ собственность.

3) Выкупные платежи, какъ бывшихъ помѣщичьихъ такъ и государственныхъ крестьянъ должны быть переименованы въ безсрочные государственные окладные сборы—*оброчные платежи*, съ уменьшеніемъ по возможности ихъ размѣра.

4) *Обмѣнъ надѣльныхъ земель* на другія, даже и частныхъ владѣльцевъ, по требованію обстоятельствъ, по обоюдному согласію и по приговорамъ обществъ, съ утвержденія или разрѣшенія правительства, долженъ быть допущенъ.

5) При сохраненіи общиннаго землевладѣнія, должны быть установлены для всѣхъ мѣстностей Россіи *размѣры тягловыхъ* крестьянскихъ, *семейныхъ надѣльныхъ участковъ*, которые *не подлежали бы дробленію* и вполнѣ обеспечивали бы существованіе крестьянской семьи, а передъ правительствомъ являлись бы *земельною единицей*, состоятельною къ уплатѣ податей и налоговъ. По опредѣленіи же размѣра такихъ участ-

ковъ надлежитъ всѣ надѣльныя крестьянскія зѣмли раздѣлить на эти участки.

6) *Тягловые участки*, при условіи ихъ недробимости, должны быть установлены въ *неизмѣнномъ* навсегда, или по крайней мѣрѣ на долгіе сроки, по каждому сельскому обществу, *количествѣ*, а разверстка этихъ участковъ между отдѣльными дворами должна быть всецѣло предоставлена Миру, также какъ и впослѣдствіи скидка и накидка тягловыхъ участковъ, при чемъ могутъ быть поставлены закономъ для такой скидки и накидки нѣкоторыя ограничительныя условія; напримѣръ, чтобы дворы, ведущіе полевое хозяйство и вполнѣ способные вести его, не были совершенно обезземеливаемы.

7) *Общинное крестьянское самоуправленіе*, именно *сельскій Миръ*, должно быть сохранено и упрочено, упраздненіемъ на сельскихъ сходахъ голосованія и рѣшающаго большинства голосовъ. Мирскіе приговоры слѣдуетъ признавать тогда только состоявшимися, когда они постановлены съ общаго согласія всѣхъ участвовавшихъ на сходѣ общественниковъ. Приговоры же, хотя признанные состоявшимися, но постановленные въ нарушеніе закона или правъ лицъ, нѐ принадлежащихъ къ составу сельскаго общества и, личныхъ правъ самихъ членовъ общества, должны считаться недѣйствительными и подлежащими отмѣнѣ, установленною властью, безъ распространенія на нихъ земской давности.

8) Всѣхъ крестьянъ, водворяемыхъ на *новыя зѣмли*, слѣдуетъ поселять впредь на выше указанныхъ въ предшедшихъ пунктахъ основаніяхъ.

9) Надлежитъ организовать впредь правильное, постоянное и равномѣрное *водвореніе на новыя зѣмли* тѣхъ крестьянскихъ семей (тяголъ), которыя, съ приростомъ населенія, окажутся лишними, и не только не могу-

щими получить тягловыхъ участковъ, но и пристроиться къ ремесламъ или постояннымъ заработкамъ.

Примѣчаніе. При тягольномъ надѣленіи крестьянъ землею, правительству выяснялось бы само собою ежегодное количество перероста населенія въ каждой мѣстности, и ему оставалось бы только, для этого его избытка, приготовлять и устроивать новыя мѣста поселенія и водворять переселенцевъ.

Само собою разумѣется, что приведенныя положенія не исчерпываютъ того, что можетъ быть еще сдѣлано для урегулированія отношеній къ землѣ всего земледѣльческаго (крестьянскаго) сословія въ Россіи; но они ставятъ прочно тѣ, согласныя съ завѣтомъ въ Бозѣ почившаго незабвеннаго Государя основанія, которыми можетъ быть вполнѣ достигнуто исполненіе его державной воли: осуществленія неотчуждаемости крестьянскаго землевладѣнія и эти положенія должны бы лечь въ основу пересмотра всего Положенія о Крестьянахъ.

Если освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было величайшимъ дѣломъ царствованія Императора Александра II, то не менѣе великимъ и славнымъ должно быть приведеніе въ устойчивое и обезпеченное положеніе освобожденныхъ крестьянъ, начатое Его Вѣнценоснымъ Преемникомъ и долженствующее завершиться подъ руководствомъ нынѣ благополучно царствующаго Государя, установленіемъ на долгія времена прочнаго крестьянскаго землевладѣнія, основаннаго на историческихъ и бытовыхъ русскихъ началахъ.

27 Декабря
1895 г.

